

Вятлаг в истории ГУЛАГа

Начала и концы там жизнь
от взора прячет.
Покойник там незрим, как тот,
кто только зачат.
Иосиф Бродский

а/ Начало (1938 - 1941 годы)

В этой главе мы коснемся лишь немногих характерных черт и особенностей, присущих каждому из выделенных нами этапов истории Вятлага. Нам важно иметь общее представление о лагере. Детальный анализ лагерьной экономики и жизни содержат другие главы. Наглядно иллюстрируют жизнь Вятского ИТЛ и его подразделений того времени приложенные к подразделам документы.

Вятлаг развертывался в 1937-38 годах в непроходимой тайге на северо-востоке Кировской области (Вятского края) как один из семи лесозаготовительных лагерей страны. В "контингенте" недостатка не было. В начале 1930-х годов закончилась прокладка ширококолейной железной дороги на дистанции "Яр-Фосфоритная". Затем лагерь развивал свою паучью сеть самостоятельно, протягивая щупальца дорог, продвигая, подобно канцерогенному образованию, свои метастазы (вахтовые участки, подкомандировки, лагпункты и отделения) все дальше на север. Довоенный период - это время становления Вятлага.

Осенью 1937 года власти поселка Рудничного в Кайском (ныне - Верхнекамском) районе получили приказ выделить помещения для временно-го обустройства управления крупным исправительно-трудовым лагерем - Вятлагом, а также для расквартирования семей его работников. Первые лагпункты ставились возле вновь построенной железной дороги зимой 1937/38 годов, причем некоторые - в палаточном варианте. Лагерники-первопроходцы, которым, по скупому зековскому счастью, повезло пережить эту зиму, рассказывали, что в морозные ночи (а для этих северных краев холода и за минус-40 не редкость) волосы примерзали к стенкам палаток.

После завершения периода организационного развертывания структуры лагеря приказом по Наркомату внутренних дел от 5 февраля 1938 года N 020 создается Управление Вятского ИТЛ - и эта дата может считаться хронологическим пунктом отсчета истории Вятлага. Первым начальником Управления Вятского исправительно-трудового лагеря НКВД СССР (таково официальное наименование) назначается капитан госбезопасности Г.С.Непомнящий. Судя по всему, на первом - организационном - этапе существования Вятлага немало было неразберихи, бестолковой жестокости и безудержной анархии. И первому начальнику Вятлага далеко не всегда удавалось справиться с обстановкой: производственные планы 1938 и 1939 годов сорваны, ситуацию усугубили страшные (по оценке самих лагерников - катастрофические) лесные пожары летом и особенно - в сентябре 1938 года. Не замедлили последовать оргмеры: "новой метлой" (то бишь Л.П.Берией, только что назначенным на пост наркома внутренних дел СССР)

Г.С.Непомнящий был снят с должности "за непринятие мер по тушению лесных пожаров". Но "свято место пусто не бывает": очередным начальником Управления Вятлага утверждается матерый чекист-сибиряк Иван Иванович Долгих (подробный рассказ о нем - в пятой главе), при коем во всю ширь развернулось "особое строительство стратегического объекта N 4 НКВД СССР" (ныне - Кайский целлюлозный завод в поселке Созимском Верхнекамского района) и возведение так называемого "Соцгородка" (в настоящем - поселок Лесной).

От станции Фосфоритной в дремучую глубь кайских и коми-пермяцких лесов потянулась Гайно-Кайская железная дорога (ГКЖД) - ныне подъездной путь Учреждения К-231. Станции Верхнекамская (с разъездом Южный), Нырмыч, Заводская и Лесная появились на карте Вятлага за каких-нибудь полтора-два года. А вот место расположения его "столицы", определенное гулаговскими проектировщиками, очевидно, по карте, "на глазок", выбрано (применительно к общепринятым градостроительным, да и просто - хозяйским, мужицким меркам) так, что хуже не придумаешь - прямо посреди огромных непроходимых болот: глухое бездорожье, плотные зудящие тучи комарья и мошкар, постоянная сырость и повышенная влажность - все эти и другие таежные "прелести" изводили обитателей поселка и окружающих его зон. Но здесь присутствовала и своя - чекистская - логика: такая "болотная изоляция" служила надежным противопобеговым препятствием для самых отчаянных зеков (подкопа не пророешь и далеко "по мхам" не уйдешь), и это обстоятельство вполне компенсировало (по лагерным критериям, разумеется) все бытовые неудобия, обусловленные недостатками геоположения "Соцгородка". Удручало местных жителей и "контингент" также отсутствие в округе нормальной питьевой воды (эта проблема "кочует" из десятилетия в десятилетие и не снята до сих пор - не сцесмашинами же ее возить, как это практиковалось кое-кем из вятлаговской верхушки в разные периоды истории лагеря). Впрочем, "на заре" Вятлага о подобных "мелочах" просто не задумывались, оставляли "за скобками", не обращали на них внимания. Главное и в "пожарном порядке" (скорей-скорей!) - "план", "кубометр", "лес - стране", а все остальное (в том числе - люди и их нужды) - потом, перетерпит, переждет ... Ходили приглушенные разговоры, что Вятлаг развертывается на водоразделе двух речных систем (Вятско-Камской и Северо-Двинской) и это, мол, неспроста: собираются рыть грандиозный канал и соединять реки, текущие на юг, с реками, впадающими в Белое море ... Почва для таких слухов была, но достоверно известно другое: одной из целей организации Вятлага и ГКЖД первоначально ставилось обеспечение древесиной действительно проектировавшегося строительства крупного гидроэнергетического узла на реке Вычегде (юго-восток Коми). Этот проект также не был осуществлен (то ли руки не дошли, а скорее всего - война помешала), следствием чего (в определенной степени) и является нынешний ощутимый дефицит энергоснабжения в регионе. Что же касается затеи с "перебросом рек", то она вновь возродилась на рубеже 70-80-х годов, но затем пришли "иные времена" ...

Вернемся, однако, к Вятлагу довоенных лет. По свидетельству его ветерана, Павла Тимофеевича Ожегина, в 1938 году вблизи станции Лесной строится крупный лесозавод, а параллельно с ним - "Соцгородок", будущий поселок Лесной, - центр, "столица" Вятского ИТЛ. Сюда осенью 1939

года официально перевели из поселка Рудничного Управление Вятлага, а еще через год по Гайно-Кайской железной дороге начались платные пассажирские перевозки: от станции Лесной до станции Верхнекамской и обратно древний паровозик таскал пару-тройку не менее дряхлых "классных" (пассажирских) вагонов, списанных НКПС, но отремонтированных руками зеков и пущенных по "сшитой на живую нитку" вятлаговской ветке.

На станции Заводской по одну сторону железной дороги в августе 1940 года завершено строительство "завода N 4" (Кайский целлюлозный завод - КЦЗ), а по другую ее сторону - сооружен второй по номеру и значимости в Вятлаге лесозавод. Лес для этих заводов поставлялся по узкоколейной железной дороге (УЖД) из четырех лагпунктов ("четыре Нырмычей" - по названиям мест дислокации).

Вблизи станции Лесной для обслуживания производственных нужд Вятлага построили механические мастерские (ЦПВММ-ЦПВРМ), которые занимались ремонтом паровозов, вагонов и другой техники, а в каких-то двухстах метрах от них, по противоположную (левую) сторону железной дороги, на берегу болотной речки Созим раскинул свои "владения" 1-й, так называемый Комендантский лагпункт, впоследствии - 5-й ОЛП, самый вместительный по числу наполняемости "контингентом".

Ежегодно на карте Вятлага появлялись все новые и новые "спецобъекты", к которым протягивались основная железнодорожная магистраль и ее ответвления. Лагпункты и ОЛПы (6-й, 7-й, 8-й ... и так далее - до 57-го по официальной порядковой нумерации), как грибы после дождя, вырастали сначала в кайской тайге, а когда вырубали ее основные запасы, - принялись за валку лесов в Пермской области и в Коми. На север от станции Лесной появились станции и разъезды Брусничная, Има, Октябрьская, Мень, Турунья, Кажимка, Пелес, Черная, Бадья, Чабис, Ньюмыд, Крутоборка, которые обслуживали лагерные подразделения. Причем одни лагпункты, изведя в округе лес, закрывались, а во вновь отведенных для гулаговского "освоения" лесных массивах развертывались очередные палаточно-барачные поселения, куда перемещался "контингент" и переводился персонал.

Внутри Вятлага (в целях "организационного обеспечения оперативного управления подразделениями") создавались отделения (локально-территориальные объединения) лагерей. Например: 1-му отделению с центром в поселке Созимском подчинялись 4 лагпункта (те самые - "четыре Нырмыча"); 2-му отделению с центром в поселке Заречном (северо-восточное предместье поселка Лесного) - 3 лагпункта с подкомандировками (вахтовыми и сельскохозяйственными участками); 12-му отделению с центром в селе Нижняя Турунья (Койгородский район Коми Республики) - 3 лагпункта (так называемые "три Вислянки") и т.д.

Постепенно разрастался, обустроивался и административный центр Вятлага - поселок Лесной. Правда, в первые полтора десятилетия своего существования вид он имел в общем-то непрезентабельный. Это было сравнительно небольшое селение сплошь деревянной (за исключением здания для хранения учетной документации и архивов - спецотдела) застройки: деревянное, покрашенное "тюремной" зеленой краской помещение железно-

дорожного вокзала с прилегающим деревянным же перроном встречало приезжих; от него к центру поселка вела улица Вокзальная, на протяжении нескольких сотен метров замощенная опять-таки деревянными, вертикально поставленными тюльками-платами ... Кстати, в ту пору можно было наблюдать, как по этой древесно-брусчатой улице к вокзалу лихо подкатывали в шикарных пролетках, запряженных холеными жеребцами и управляемых особо подобранными зеками-кучерами, высокие лагерные чины, чтобы встретить своих родственников или важных персон из "центра" или области ...

Слева от дороги по Вокзальной улице тянулся высокий сплошной тесовый забор с колючей проволокой поверху: за ним располагались различные базы лагерного обеспечения (торгового, интендантского, технического). Справа - дощатые тротуары, брусковые дома барачного типа со штакетниковыми палисадниками и скудной растительностью в них. Вплоть до середины 50-х годов на окраине этой улицы можно было видеть и такие экзотические для наших краев жилые помещения как юрты (обитали здесь в основном немцы-спецпоселенцы и другие представители "низших каст" вятлаговского населения). В центре поселка - площадь с памятником В.И. Ленину: это оригинальное изваяние "вождя мирового пролетариата" - из светло-серебристого металла, с привычно распростертой в "светлое будущее" призывно-указующей десницей - сооружено на том месте, где первоначально находилась скульптура "Чекист с овчаркой", умельцами-зеками из художественно-промышленной мастерской Вятлага по проекту и под руководством профессионального скульптора Ф.Ф.Лаврова, отбывавшего срок за "контрреволюционную деятельность" (статья 58 УК РСФСР 1926 года). Площадь окружали: с юга - Дом культуры, с запада - три 2-этажных дома Управления лагерем, а с востока - 2-этажные жилые дома с некоторыми деталями европейского, готического стиля (башенки на крышах, высокие, крутые скаты, необычная внутренняя планировка и т.п.). Существует предание, что проектировщиками и строителями этих зданий были советские немцы из Поволжья и германские военнопленные, однако такого рода утверждения нельзя признать достоверными: документально подтвержденный срок сооружения всех этих построек - 1939-й - 1940-й годы, а первый массовый этап с немцами (из Луганской области Украины) прибыл в Вятлаг лишь в октябре 1941 года; военнопленных же (немцев и граждан некоторых союзных Германии государств) начали размещать в Вятлаге еще позднее (в 1943-1944 годах). Так что к вятлаговской "архитектуре" самых первых лет существования лагеря эти категории "контингента" отношения иметь не могут. Скорее всего, существовал какой-то спущенный сверху проект типовой застройки лагерных поселений, а уж как в него попали "элементы готического стиля" - сие только гулаговским "мудрецам" ведомо ...

Основными структурными звеньями, на которые, собственно, и делился Вятлаг, являлись лагерные пункты (лагпункты - л/п, ОЛП). Все они (напрямую или через отделения) подчинялись Управлению, находившемуся в "Центральном поселке" ("Соцгородок", поселок Лесной). Обустройство этих подразделений было делом строго регламентированным, отработанным и налаженным до мельчайших деталей: руками "контингента" на небольшом пространстве вырубалась тайга, жилая зона обносилась забором с колючей проволокой, запретной зоной, сторожевыми вышками по углам, контрольно-пропускным пунктом (КПП) - вахтой; внутри зоны сооружались сначала

палатки, а затем - бревенчатые либо щитосборные бараки для зеков и помещения для различных лагерных служб (в том числе и в первую очередь - штрафной изолятор - ШИЗО). Помимо этого, на лагпункте предписывалось иметь казарму для охраны, помещение для конторы (штаба), жилые дома для сотрудников, объекты "соцкультбыта" (клуб, магазин, баню, пекарню и т.п.) и, непременно, - производственную зону, где и "трудоиспользовался контингент" ... Ну и, само собою разумеется, с первых же дней - в любое время года, при любой погоде, любой ценой - "план, план и еще раз план"! Все остальное - второстепенно, вторично, в том числе - и судьбы людские ...

Первым (хронологически) известным нам документом в истории Вятлага является протокол от 16 февраля 1937 года заседания партгруппы (из 4-х человек) Гайно-Кайского строительства. Участники заседания ходатайствуют перед райкомом о создании у них официальной уставной партийной ячейки. Это и есть не что иное как эмбрион, стремительно развившийся всего через несколько месяцев в Политотдел Вятлага - наиболее влиятельную и могущественную внутрилагерную структуру, выходящую напрямую на обком партии и политотдел ГУЛАГа и непосредственно подчиненную только им. В таежной глуши, судя по политдонесениям и партотчетам, оперативно и в привычных для всей страны казенно-бюрократических формах налаживается "идеологическая" работа. Так, в 1937 году здесь 8 раз в месяц проводится партучеба для коммунистов, 3 раза в месяц - комсомольская политучеба, 3 раза в месяц - собрания партгруппы, 2 раза - комсомольские и 3 раза - профсоюзные собрания. Помимо этого непременно и регулярно проходят производственно-технические совещания, собрания ИТР, членов добровольных обществ (коих в те времена существовало великое множество), женского актива и т.д. и т.п. Спрашивается, откуда же бралось время на основную работу да и на все остальное в жизни - не менее значимое: семейные и домашние дела, учебу, досуг, отдых?.. Невольно напрашивается вывод, что значительная часть "доложенных" мероприятий проводилась просто для "галочки" - наспех и формально, а то и совсем не "имела места быть" (кроме как на бумаге) ...

В реальности жизнь была куда менее пристойной, чем она рисуется в партийных репортажах: в медвежьем вятлаговском углу, среди дикой северной природы, на удалении в сотни километров от ближайших "огней большого города" царили на первых порах невероятная грубость в человеческих взаимоотношениях, беспробудное пьянство в быту и полная анархия в делах. Из раздраженных замечаний рядовых коммунистов на отчетном (по итогам работы за 1938 год) партийном собрании можно уловить общую лагерную атмосферу тех первых лет: "Много прогулов - людям дают арест, а они там отдыхают. Отпуска дают не ударникам, а лодырям. Начальник АХО (Административно-хозяйственного отдела) Дарин - подхалим перед начальством"; - "Начальник 8 лагпункта Волков инструктирует стрелков (охраны) бить заключенных - я считаю это неправильно. Начальник 2 лагпункта Степанов имеет связь с заключенной"; - "Зарплату стрелкам ВОХР задерживают"; - "Товарищ Непомнящий себя выгораживает (видимо, речь идет о невыполнении плана 1938 года - В.Б.), а он груб с работниками, ругань слышится часто"; - "В санотделе неблагополучно, во главе отдела стоит подхалим тов. Егоров. Не случайно - пьянство, разврат. Егоров изготовил вино и в порядке подхалимства разослал его по квартирам начальни-

кам. Надо вести борьбу с половой распущенностью, которая имеет место среди руководителей-коммунистов (Фишер и другие). А таких случаев у нас много и с ними не ведется решительной борьбы"; - "У нас зэка наполовину 58-ая статья, враги, поэтому нужно особенно к ним подходить".

Записи эти еще не приглажены политотделовскими "редакторами" (как в будущем - протоколы партсобраний и активов) и поэтому до нас дошел живой искренний голос не очень образованных, порой и просто малограмотных, но истово преданных своему "чекистскому долгу" сотрудников. Представитель военизированной охраны (ВОХР) Трубачев, в частности, заявил на этом собрании (и в его словах хорошо различимы отголоски времени "большой чистки" и "ежовых рукавиц"): "Наш лагерь организован вредительски. Бытовые условия охраны плохи. Непомнящий (начальник Управления) тоже не обращал внимания на улучшение бытовых условий. Режим контрреволюционерам в лагере не создан. Работа ведется не планоно. Люди сидят ночами, но можно за 8-10 часов сделать больше. Малолетки (заключенные) бегут, у них чесотка, нет работы для них."

В резолюции по докладу начальника Управления Г.С.Непомнящего партийное собрание (как водится - закрытое) постановило: "...1. Основная политическая задача лагеря - обеспечение режима, выполнена неудовлетворительно, т.к. за 1938 год бежало 538 человек, из которых 33 человека остались незадержанными. 2. Слабое руководство производством со стороны тов.Непомнящего, который не сумел очистить аппарат от чуждых и сомнительных элементов, насаженных бывшим вредительским руководством лагеря. ... 5. При наличии возможностей производственный план не выполнен по всем видам работы: по лесозаготовкам - план 700.000 фестметров выполнен на 99,1%; по вывозке - план 620.000 фестметров выполнен на 83,3%; по гражданскому строительству - план 224 т. кв.м выполнен на 66,7%; раб.сила группы "А" - 67,8% (по плану - 70%)... Низкая производительность труда: по заготовкам плановая норма - 3,8 фестметра, выполнение - 2,86 фестметра; по вывозке - норма 8,86 фестметра, выполнение - 7,92 фестметра..."

Особого внимания заслуживает следующая констатация: несмотря на невыполнение производственных заданий, перерасход рабочей силы против плана составил 187.335 человеко-дней. Другими словами, решали задачи "основного производства", не щадя заключенных, заставляя их работать гораздо больше того времени, что предписывалось гулаговскими (отнюдь не санаторными) нормативами.

А объемы поставленных перед Вятлагом производственных задач росли в геометрической прогрессии: в 1939 году лагерь должен был заготовить уже 1.800.000 фестметров (плотных кубометров) древесины и столько же ее вывезти.

Между тем, на многих лагпунктах, поработив остальных осужденных, все более нагло диктовали свою волю начальству профессионалы-уголовники. Впрочем, то, что вытворяли порой сами "граждане начальники", мало чем отличалось от уголовного беспредела. Так, начальник 8 лагпункта Волков, выступая в марте 1939 года на собрании партийного актива, простодушно заметил: "У нас на 8 л/п план выполняется плохо, я сам не

знаю, почему. Лагпункт у нас состоит из штрафников-бандитов, хулиганов, с которыми работать тяжело. Были у нас представители Управления тт.Алферов, Середа, которые физически издевались над заключенными, заставляли их выполнять тяжелую работу, раздевали заключенных догола и на снегу".

Однако многих партактивистов лагеря гораздо больше интересовали на этом собрании другие вопросы: "Был ли на съезде (XVIII съезде ВКП/б/) тов.Ежов? Кто выступал от НКВД? Ежов выводился из состава ЦК ВКП/б/ до съезда или нет?" Смена наркома внутренних дел стала событием первостепенной важности для управленцев лагеря и затмила все остальное: многие предчувствовали изменение курса и опасались угодить впро-сак - тогда ведь легко можно было лишиться удобного кресла в теплом кабинете, мгновенно сменив его на тюремную камеру.

За примерами недалеко ходить: первый начальник производственного отдела Вятлага Ксандров (а с ним заодно - ряд других сотрудников) незадолго до того был арестован по стандартному обвинению: "вредитель и враг народа". Но завершилось собрание актива, как и положено, дежурно-ритуальной и единодушной славословицей-заклинанием: "Да здравствует наш друг и учитель, наш вождь товарищ Сталин!"

Лагерь, как любое злокачественное образование, рос быстро. Вместе с ним набирала вес и его партийная организация. К апрелю 1939 года в ней значились 92 человека (64 члена партии и 28 кандидатов) - 7 процентов от всего состава сотрудников и охраны Вятлага. А к 1-му января 1941 года на учете в политотделе состоят уже 240 человек. Приглядимся к этим людям попристальнее - ведь они представляют собой руководящую прослойку, элиту, служебное ядро Вятлага. Так вот: лишь пятеро из них имеют высшее образование (в том числе - трое врачей); с неполным высшим образованием - также 5 человек; с законченным средним - 18; с неполным средним - 40; с начальным образованием - 148 человек; считаются грамотными, но не имеют начального образования - 24 человека. Из приведенных данных можно сделать вывод: основная масса лагерного актива (а значит - и аппаратно-управленческий скелет ГУЛАГа в целом) - это малограмотные послушные исполнители решений вышестоящего начальства, склонность к рефлексии в этой среде явно отсутствовала. Добавим, что из 240 партийцев-вятлаговцев образца 1941 года этнических русских - 185 человек, украинцев - 19, белорусов - 13, евреев - 6, представителей других национальностей - 17 человек.

Разумеется, в сумятице лагерной жизни встречались и сотрудники, "не горевшие" на службе, тяготившиеся тем делом, которое выпало на их долю. Не только как курьез конца 1930-х годов, когда порой еще "резали" начальству прямо в глаза неудобную для него "правду-матку", воспринимается сегодня такая-вот, например, партийная характеристика, датированная 21-м августа 1939 года и составленная не на какого-нибудь там рядового "вертухая", а на инструктора политотдела, члена ВКП/б/ Новосельцева Михаила Александровича: "... За время пребывания в п/о Вятлага тов.Новосельцев показал себя только с отрицательной стороны. В партийной жизни участия не принимал. Замкнут. Безынициативен. За время пребывания в п/о Вятлага на партийных собраниях не выступал ни разу. В

политических вопросах разбирается слабо. Над повышением своего полит. уровня не работает. ... Не является примером в работе и в быту. На протяжении всего времени работы в Вятлаге проявлял недовольство работой в лагере, заявляя "в лагере буду работать тогда, когда у меня не будет партбилета". Большой нытик. К поручаемой ему работе относится безответственно. Груб, участия в общественной жизни не принимает. За безответственность в работе и нежелание работать в лагерях и систематическое нытье из органов НКВД уволен".

Что ж, действительно, по нравам тех времен с такой характеристикой место не в партийном органе, а на "цугундере". Вместе с тем, мы имеем перед собой и выразительную иллюстрацию этих самых нравов, процветавшей уже тогда атмосферы всеобщей энкаведешной подозрительности, доносительства и подсиживания: все находились "под колпаком" - друг у друга, у начальства, у партаппарата, сексотов-профессионалов и согладатаев-доброхотов ... Этот постоянный гнет беспощадно давил, гнул, ломал людей, превращая их души в пустой серый жмых, шлак, гниль ... Выдерживали этот пресс немногие - единицы.

В свою очередь, гнетущая моральная атмосфера не могла не сказаться (и самым пагубным образом) на служебных делах, в том числе - на состоянии "основного производства". Производственный план 1939 года Вятским ИТЛ по основным показателям выполнен не был. А это грозило большими неприятностями для лагерного руководства: ведь с него, по большому счету, требовалось прежде всего безусловное исполнение "производственной программы". За все прочее (в том числе - рост преступности, осложнение оперативной обстановки, различные ЧП в зонах и т.п.) могли просто "пожурить", а то и простить. Но срывы в производственных делах не прощались - никому, никогда, ни в одном из лагерей страны. Вятлаг же план 1939 года по лесозаготовкам выполнил лишь на 84,3 процента: добыто 1.913.400 фестметров древесины вместо запланированных 2.230.000 фестметров. Обратим внимание: по сравнению с 1938-м годом план существенно увеличен. И это - реальное выражение специфически советского подхода к планированию (от достигнутого с увеличением), в полной мере характерного и для гулаговского начальства. Такой подход ставил перед непосредственными исполнителями спущенных сверху нереальных плановых показателей заведомо невыполнимые задачи, обрекал их на неизбежную неудачу или на фальсификацию отчетных данных во избежание серьезных "неприятностей и оргвыводов".

Отсюда - типичные для всех лесных ИТЛ и для Вятлага в частности следующие основные параметры выполнения плановых производственных нормативов (по отчетным данным за 1939 год): лесовывозка - 80,7 процента (1.660.000 фестметров), разделка древесины - 45 процентов (375.000 фестметров), лесопиление - 68 процентов (95.000 фестметров), шпалопиление - 102 процента, использование рабсилы - 71 процент (при плане - 73 процента).

Тяжелейший труд заключенных на таежном лесоповале практически никакой механизации не претерпевал. Валили деревья до середины 50-х годов ручными лучковыми пилами, как правило, по пояс в снегу или по колено в болотной жиже. Трелевали и вывозили хлысты на лошадях (в 1939

году гужева вывозка составляла 70 процентов общего объема). Укладывали лес в огромные штабеля на биржах и грузили его в вагоны также вручную. Долго на таких работах даже физически крепкие люди не выдерживали, пополняя ряды инвалидов и доходяг, так называемой "слабосилки". Разумеется, и сами заключенные шли на всяческие ухищрения для того, чтобы "остаться на зоне", уклониться от "общих работ" и прежде всего - на лесоповале. Зимой 1939/1940 годов в Вятлаге ежедневно не работали 600-700 человек из основной (рабочей) группы. Начальник политотдела на партсобрании 20 февраля 1940 года говорил об этом (со своей, понятно, "колокольни") следующее: "... Несмотря на раздутые штаты на л/п и в Управлении, число неработающих в лагере заключенных с каждым днем возрастает: это отказчики, разутые, раздетые, промотчики и по другим причинам. Нужно с этой вакханалией в срочном порядке покончить и наладить нашу работу только для пользы дела нашего лагеря".

Впрочем, поток новых заключенных шел в лесные лагеря непрерывно, стоимость рабсилы все более девальвировалась и людей здесь ценили по самым низким ставкам, во всяком случае заботились о них гораздо меньше, чем о лошадях. В самом деле, просматривая книги приказов по Вятлагу за 1939-1940 годы, постоянно "натыкаешься" на требования о бережливом отношении к "гужевому фонду", борьбе с заболеваемостью лошадей, улучшении питания конепоголовья. Так, в одном из приказов начальника Вятского ИТЛ (март 1940 года) читаем: "... Отношение к сохранению гужсилы в лагере нетерпимо преступно, когда за полугодие убыло 205 лошадей от травм на производстве и виновные за это не наказаны". Что ж, лошадей действительно плохо кормят, поят, чистят и лечат (да и как может быть иначе - ведь все вокруг не свое, а значит - ничего не жаль), но плана-то без них не сделаешь и взамен павших (так же регулярно, как новых эков) не получишь, так что гужпоголовье, безусловно, нужно беречь ... Только вот приказа о бережливом отношении к "поголовью заключенных" почему-то так и не удалось обнаружить - ни одного ...

Производственный уклон в деятельности советских ИТЛ приносил плачевные результаты и в той сфере, которая, по установленным во всем мире стандартам и нормам, является приоритетом для пенитенциарной системы: неукоснительное исполнение судебных приговоров в части уголовных наказаний в виде лишения свободы, обеспечение режима отбывания наказаний и личной безопасности заключенных. На примере вятлаговских реалий мы наблюдаем нечто совсем иное. В частности, не меньше, чем от лагерного начальства, абсолютно бесправные зеки-"политики" и "бытовики" страдали от засилья так называемых "цветных" - преступников-рецидивистов, профессионалов уголовного мира. Мрачную картину бандитского беспредела в зонах лагеря живописует решение Политотдела Вятлага от 22 апреля 1940 года "О режиме содержания заключенных" (Документ N 3, цитируется в извлечениях):

"... 1. В ночь с 20 на 21 мая на 1 лагпункте группа заключенных бандитов, пользуясь наличием в зоне производственного инвентаря, инструментов и железных прутьев в механических мастерских, вооружившись топорами, ломami, лопатами и разными инструментами, сделала налет на контору, терроризируя остальное лагнаселение. Остальные заключенные в целях самозащиты также вооружились разными предметами, лагадминистра-

ция и военизированная охрана вместо принятия решительных мер, растеря-

лась. Только по прибытию курсантов ВОХР беспорядки были ликвидированы.

2. Дисциплина среди заключенных отсутствует: бандитские налеты, хулиганство, воровство, картежная игра, половое сожительство имеют место на всех лагерных пунктах. На подкомандировке 6 л/п был убит комендант, на 9 л/п убит лесоруб, работающий стахановскими методами труда. На 7 л/п заключенный Тонян с другими заключенными в апреле и мае 3 раза совершал вооруженные ограбления. Заключенные Семидов и Новиков нанесли ножевые ранения и ограбили заключенного Валжева; заключенные Багин, Шитов, Рожков, Савинов совершили попытку группового изнасилования в бараке заключенной Прасенюк и избили ее. На 1 л/п был нанесен удар котелком по голове командиру дивизиона тов. Коломийцеву.

Однако администрация л/п и судебно-следственные органы не принимают решительных мер к бандитам, нарушающим лагерный режим.

3. ... Производственные инструменты продолжают храниться в зонах. Обысков подвод и заключенных, проходящих через вахту, не производится, что дает возможность пронести в зону запрещенные предметы, а заключенным, пытающимся совершить побег, пронести с собой одежду и продукты питания и даже холодное оружие (кинжалы, ножи).

4. В подразделениях ВОХР не организована надлежащая охрана заключенных. На 7 л/п ворота в зону не запирались. На 3 л/п были случаи, когда один стрелок конвоировал по 300 человек. Многие начальники лагпунктов зачастую расконвоируют заключенных без учета совершенных ими преступлений, производственной необходимости и склонности к побегу.

5. Вольнонаемные работники нарушают лагерный режим, используют заключенных в личных целях: мытье полов, стирка белья и т.п., предоставляют заключенным продукты, заимствуют деньги у заключенных и даже сожительствоуют с заключенными, избивают заключенных ..."

Ничего не скажешь - картина действительно ужасная. Есть, однако, во всей этой политотделовской "филиппике" и хорошо скрытая, но тем не менее - вполне ощутимая примесь фарисейства: ведь ни для кого в вятлагском (как, впрочем, и гулаговском) руководстве не являлось секретом, что администрация лагпунктов использовала (в силу основополагающих принципов существования всей советской лагерной системы) уголовников как "социально близких" режиму людей именно в качестве орудия принуждения и надзора по отношению к остальной массе заключенных, и прежде всего - в роли надсмотрщиков за выполнением ими производственных заданий. За это и приходилось расплачиваться утратой контроля над зоной со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Подлинным бичом лагеря можно назвать хищения: при знакомстве с архивными документами создается впечатление, что тащили все и все, что могли. Фиксировалось, надо полагать, лишь немногое: при вопиющей беспхозяйственности и слабо налаженном учете немалые "концы" благополучно прятались "в воду". Но (даже по официальным данным) Вятлаг только за 1939 год потерял от хищений товаро-материальных ценностей на сумму 700.000 рублей. Общесоветский безалаберный и сверхзатратный механизм хозяйствования проявлялся в лагерных условиях во всей своей "стерильной чистоте". Заместитель начальника Вятлага по режиму Борисов на партсобрании 5 мая 1940 года отмечал: "...Качество работ везде неудовлетворительное. Перерасход по строительству очень большой. Имеет место

большое очковтирательство, а коммунисты молчат. На Дымном болоте заготовили 150 тонн сена, вывезли 50 тонн - остальное погибло. С продовольствием у нас очень плохо, а у нас сгноено 4.080 тонн картошки ..."

Вятлаг не представлял собой исключения в системе ГУЛАГа: примерно такая же ситуация наблюдалась и в других ИТЛ и она становилась, на взгляд из Москвы, все более нетерпимой (не из-за внезапного "приступа гуманизма" по отношению к "контингенту", а по соображениям все тех же "интересов основного производства"). Так или иначе, но в 1940 году руководство НКВД предпринимает очередную попытку "стабилизировать положение в лесных лагерях Севера". И (в определенной мере) это удается. Как "новый метод управления" широко используются личные детально прочерченные руководящие наркомовские директивы начальникам лагерей.

В качестве примера - выдержка из телеграммы ГУЛАГа, поступившей в Управление Вятского ИТЛ 3 марта 1940 года (Д о к у м е н т N 4):

- "... В целях безусловного выполнения плана первого квартала по лесным работам Нарком товарищ Берия приказал под Вашу личную ответственность обеспечить:

первое - ежедневный вывод на основные лесные работы людей - 81 процент, лошадей - 80 процентов, автотракторного парка - 70 процентов; второе - к первому марта довести ежедневное выполнение в тысячах кубометров заготовки - 6; вывозки - 6 ..."

Далее в телеграмме подробно прописаны вопросы организации работы бригад, улучшения строительства и содержания дорог. Отмечены лучшие и худшие руководители лагерей (первые - награждены и премированы, вторые - сняты с работы и понижены в должностях). Метод "кнута и пряника" применяется и к заключенным: за хорошую работу рекомендовано шире применять к ним досрочное освобождение и сокращение сроков отбывания наказания. Устанавливаются поощрительные премии: лучшим ИТЛ - 50.000 рублей (первая) и 25.000 рублей (вторая); лучшим лагпунктам соответственно - по 15.000 и 10.000 рублей.

Следует заметить, что установленные НКВД и указанные в телеграмме показатели по выводу заключенных на "лесные работы" являлись совершенно несостоятельными и ни в одном ИТЛ на всем протяжении 1940-х - 1950-х годов ни разу не были достигнуты. Вообще многие гулаговские плановые установки не подкреплялись объективными расчетами, были нереальными изначально. Поэтому на местах (как "встречное движение") возникает и не спадает волна приписок и искажений в отчетах: лагерь-то "на краю земли", пойдя - проверь это "квалифицированное вранье". И потом - любая проверка тоже смотрит лишь бумаги, да и те, как правило, "вскользь", а бумага - она, как известно, все терпит ...

Но, как бы там ни было, план 1940 года Вятлаг выполнил - на 112 процентов, "дав народному хозяйству" 1.208.000 кубометров древесины. Правда, достигнут этот "успех" был не столько умением, сколько числом: перерасход рабочей силы (по данным Управления лагерем) в зимний сезон 1940-41 годов составил 27,5 процента. Заключенных в лесные ИТЛ поставляли в избытке, а там их эксплуатировали нещадно, быстро и безжалостно выжимая из свежей рабсилы все ее соки. А вот денег на "исполнителей программы" при такой потогонной системе старались тратить поменьше:

только в 1940 году Вятлаг имел экономию в сумме 2.952.000 рублей за счет снижения сметной стоимости содержания "контингента". Секрет прост: заключенных скуднее, чем положено по нормам и сметам, кормили, хуже одевали и содержали. И это не возбранялось - лишь бы с планами "основного производства" все было "в ажуре" ...

В приказе по НКВД СССР от 31 августа 1940 года Вятлаг назван в числе "лучших лесных лагерей страны": из этого можно предположить, что в других ИТЛ дела обстояли совсем плохо. Управление лагерями лесной промышленности ГУЛАГа НКВД СССР в приказе от 15 ноября 1940 года отмечало: "... Лесная промышленность - одна из ведущих отраслей народного хозяйства СССР. Однако большинство лагерей производственные планы не выполняют".

Вятлаг в это "большинство" уже не входил. Хотя проблем у руководства Управления лагерем меньше не стало. Одна из самых злободневных и постоянных - острый недостаток квалифицированного вольнонаемного персонала. Плановая наполняемость Вятлага на 1941 год составляла 18.950 заключенных группы "А" (работающих), положенность гужпоголовья - 3.800 лошадей, штатная численность вольнонаемного состава - 2.652 единицы. Фактически перед войной имелось лишь 1.689 вольнонаемных работников, а 963 вакансии по этой категории должностей пришлось замещать заключенными. Такая ситуация вполне объяснима: мало кто по доброй воле "рвался" на работу в Вятлаг, а среди тех, кто попадал сюда в силу каких-то жизненных обстоятельств, преобладало стремление как можно быстрее покончить с этим эпизодом в своей биографии. Отсюда и высокий уровень текучести кадров: так, с 1 января 1940 года по 1 июня 1941 года учтено принятых по вольному найму на работу в лагерь - 751 человек, уволенных - 581 человек (согласимся, что такая людская "чехарда" напоминает не солидное учреждение, а скорее - проходной двор). Отметим также, что в это время уже действовали драконовские меры против "самовольного" ухода с работы, введенные известными Указами Президиума Верховного Совета СССР.

Несмотря на все эти "огрехи", Вятлаг, по мнению гулаговского руководства, стал к середине 1941 года одним из лучших, едва ли не "образцовых" лесных лагерей страны, поскольку стабильно и уверенно выполнял плановые показатели "основного производства". Все остальные "индикаторы" деятельности ИТЛ - смертность заключенных, хищения, побег, убийства и другие преступления в зонах - все это было второстепенным по сравнению с Его Величеством Планом. Второй (хронологически) начальник Управления Вятского ИТЛ орденосец И.И.Долгих "пошел на повышение" и убыл из лагеря.

А вскоре условия жизни и работы как вольнонаемного состава, так и "контингента" Вятлага кардинально изменились - началась Великая Отечественная война ...

Документальное приложение.

Документ N 5.

Р а с п о р я д о к д н я
на лагерных пунктах и подкомандировках
Вятлага НКВД СССР

	Все л/пункты, исключая 5-й	5 л/пункт 1-й развод	2-й развод
Подъем	5ч.30м.	5ч.	6ч.
Подача завтрак	5ч.45м.- 6ч.40м.	5ч.15м.-5-40	6ч.15м.-6ч.45
Развод	6ч.45м.- 7ч.	5ч.45м.-6ч.	6ч.45м.-7ч.
Дневной перерыв на производстве	13-14чч.	11ч.30-12ч.30	13-14чч.
Конец работы	19ч.	17ч.30м.	19ч.
Подача обеда работающим в зоне	19ч.-19ч.30м.	5ч.	19ч.-19ч.30
Подача обеда остальным по мере возвращения	19ч.30м.-20ч.30	18ч.-18ч.30	19ч.30-20ч.30
Отбой	22ч.	22ч.	22ч.

29.IV.1941 г.

Д о к у м е н т N 6.

П Р И К А З

по Управлению Вятского исправительно-трудового лагеря НКВД СССР
N 375 от 29 сентября 1938 г. пос. Рудники

Содержание: О состоянии рабочих помещений Управления и о дисциплине среди з/к з/к.

Отмечаю абсолютно недопустимое состояние помещения Управления лагеря: захламленность комнат и корридоров ненужными предметами, грязь, запущенность уборных и т.п.

Совершенно недопустимым считаю такое положение, когда з/к з/к, работающие в Управлении остаются на ночлег в рабочих кабинетах.

В ночь на 27/IX во многих комнатах Управления обнаружены з/к з/к спящими на столах, при чем в качестве подушек используются дела и др. посторонние предметы.

Вследствие отсутствия дисциплины среди з/к з/к, работающих в Управлении наблюдается развязность, разболтанность и в большинстве случаев безделье.

В течение рабочего дня и ночью наблюдается непрерывное хождение и толкучка по корридорам и в комнатах.

В рабочих комнатах, на столах процветает неряшливость и безкультурье.

За уборкой помещения и рабочих комнат никто не следит, уборщицы з/к з/к предоставлены сами себе. Ящики столов и шкафы не закрываются, благодаря чему нет гарантии от пропажи переписки и канц. принадлежностей.

Комендатура не ведет наблюдения за посетителями Управления и столовой, нарушена система пропусков в здание Управления, вследствие чего в Управление проникают посторонние лица без всякой надобности.

Около здания Управления постоянная толкучка.

У многих работников благодаря общего упадка дисциплины притупилось всякое чувство борьбы за элементарные навыки культуры.

Все это создает общее впечатление Управления харчевки и заезжего двора, но отнюдь не рабочего места, культурного советского учреждения.

Работники Управления совершенно забыли, что этим самым они культивируют неряшливость и безкультурье среди работников периферийного аппарата, посещающих Управление у которых мы требуем чистоту и опрятность не только для в/н состава, но и заключенных. < ... >

Считая такое положение в дальнейшем совершенно нетерпимым,

П Р И К А З Ы В А Ю:

1. Начальнику АХО тов.ШАРИНУ в 3-х дневный срок привести в надлежащее состояние помещение и рабочие комнаты Управления лагеря.

Обеспечить рабочие комнаты и коридоры плевательницами и ящиками для бумаги.

2. Коменданту Управления установить пропускную систему в здание Управления.

Дежурство по комендатуре перевести в место, обеспечивающее наблюдение за посетителями Управления.

3. Начальнику АХО тов.ШАРИНУ выделить постоянного работника для наблюдения за зданиями Управления лагеря.

Последнему, дежурному коменданту и ответственному дежурному по Управлению вменить в обязанность наблюдение за работой уборщиц в здании Управления.

Обеспечить сохранность дел и канцпринадлежностей.

4. ПРЕДУПРЕДИТЬ Начальников отделов у которых работают з/к з/к, что оне несут полную ответственность не только за работу, но и за поведеие з/к з/к в Управлении.

Зам. Начальника Управления

ВЯТЛАГ"а НКВД СССР

Капитан Госуд.Безопас.:

/Ф И Ш Е Р/

Архив Учреждения К-231,д.№ 1,л.1.

Документ № 7.

П Р И К А З

по Управлению Вятского исправительно-трудового лагеря НКВД СССР
№ 6 от 7 января 1939 г. пос. Рудничный

Отмечены случаи, когда отдельные, Начальники л/п л/п и другие в/н в/н работники проявляют в обращении с заключенными, в том числе адм.техперсоналом, грубость и площадную брань.

ПРИМЕРОМ такого обращения может служить Начальник 7-го лагерного пункта ГУЛИН, который в разговоре с прибывшим на 7-й лагпункт в командировку инженером ОЖДС з/к - ПИФИЕВЫМ, допустил сплошные матерные ругательства и оскорбляющие выражения.

Считая подобное поведение в/н в/н работников недопустимым, позорящим органы НКВД, -

П Р И К А З Ы В А Ю:

Предупредить всех в/н в/н работников Управления и лагпунктов, что впредь за подобное поведение виновных буду строго наказывать.

Начальник Управления
ВЯТЛАГ"а НКВД СССР:

/НЕПОМНЯЩИЙ/

Архив Учреждения К-231, д. N 3, л. 10.

Д о к у м е н т N 8.

П Р И К А З

по Управлению Вятского исправительно-трудового лагеря НКВД СССР
N 45 от 20 января 1939 г. пос. Рудницкий

Содержание: О коммунально-бытовом состоянии 1-го лагпункта.

Произведенным обследованием коммунально-бытового состояния жилых и служебных помещений 1-го лагпункта установлено: -

Полезная площадь барачных и палаточных помещений не соответствует контингенту з/к з/к содержащихся на лагпункте, вследствие чего наблюдается чрезмерная перегруженность барачных и палаточных помещений.

В бараках и палатках нет должной чистоты, полы грязные, печи ободранные, под нарами постоянно хранятся дрова, у выходов и на дверях грязная наледь, а во круг барачных и палаточных помещений целые поля желтой наледи образовавшейся от испарения з/к.з/к.

Несмотря на то, что железные печки в палатках непрерывно топятся и сжигается масса дров, в палатках и бараках была низкая температура, это говорит за то, что отопление барачных и палаточных помещений недостаточное.

В имеющихся для хранения кипяченой воды ушатах, ни в одном помещении этой воды не было, а была вода некипяченая которую з/к.з/к. и употребляют, (вопреки имеющемуся категорическому запрещению.)

Мусорные ящики и уборные переполнены нечистотами и по данной справке комендантом з/к.Морским ежедневно неочищаются.

В кипяильнике и разделочном помещении кухни з/к. на полах, стенах грязь и лед. Кроме этого в разделочной комнате нары где постоянно проживают работающие на кухне.

Помещение амбулатории стационара не соответствует требуемым условиям, имеются недостатки в белье, полотенцах, и других предметах стационарного обихода. Полной изоляции стационара от комнаты ожидания для

больных нет, что угрожает занесению в стационар заразных болезней.

Отмечая безответственное отношение Начальника л/п и коменданта к коммунально-бытовым вопросам л/пункта,

П Р И К А З Ы В А Ю:

1. Начальнику Лагпункта тов.КУРБАТОВУ в 3-х дневный срок привести в надлежащий порядок жилые и служебные помещения л/п. и содержать их в чистоте.

2. В декадный срок переоборудовать каркасы всех палаток с таким расчетом чтобы последние были теплыми и светлыми. <...>

8. В соответствии настоящего приказа Начальнику КВО т.МОСКВИНУ и Начальнику Санотдела т.ЕГОРОВУ по своей линии дать всем л/п. указания и развернуть культурно-воспитательную и санпросветработу среди всего населения, з/к. находящихся на лагпунктах <...>

Начальник Управления
ВЯТЛАГ"а НКВД СССР:

/НЕПОМНЯЩИЙ/

Архив Учреждения К-231,д.Н 3,л.21-23.

Д о к у м е н т № 9.

П Р И К А З

по Управлению Вятского исправительно-трудового лагеря НКВД СССР
№ 452 от 14 ноября 1938 г. пос. Рудники

Содержание: О преступлениях, вскрытых во 2-м взводе 4-го дивизиона
ВОХР.

В ноябре м-це с.г. /3 отделом Вятлага/ во 2-м взводе 4-го д-на
Отряда ВОХР вскрыты факты связи отдельных лиц Начсостава и стрелков с
з/к з/к, грубейшего нарушения революционной законности, очковтиратель-
ства, подхалимства, зажима критики и самокритики.

Командир 2-го взвода ГУРОВ, его помощник ТКАЛИЧ, стрелки СМИРНОВ,
ДАНИЛИН систематически избивали з/к з/к.

В июле м-це с.г. стрелками взвода совершено убийство 2-х з/к при
спровоцированном ими побеге. ГУРОВ и ТКАЛИЧ присваивали себе вещи з/к
з/к, ГУРОВ понуждал к сожительству з/к з/к женщин. Командир взвода ГУ-
РОВ в порядке приказа запретил стрелкам писать о чем бы то ни было
высшему командованию, он нагло заявил на общем собрании взвода "если
кто Вас будет спрашивать, как дела во взводе, вы отвечайте все хоро-
шо".

Стрелков, которые выступали с критикой о незаконных действиях ГУ-
РОВА он немедленно изымал из взвода.

ГУРОВ систематически давал командиру и политруку дивизиона очков-
тирательские сведения о состоянии службы и политической подготовки.

Положение, когда шайка проходимцев в лице ГУРОВА, ТКАЛИЧ, СМИРНО-
ВА и ДАНИЛИНА в течении долгого времени творила безнаказанно свои
гнусные дела, объясняется крайне слабым руководством взводом со сторо-
ны командира дивизиона ПОРТЯНКИНА, политрука МЕЛЬНИК и крайней запу-
щенности партийно-политической работы во взводе.

Командир дивизиона ПОРТЯНКИН зная о зажиме критики ГУРОВЫМ, имея

жалобы на ГУРОВА от стрелков, не принимал мер к ГУРОВУ и давал очков-тирательские оценки работе ГУРОВА, представлял его к наградам, считал примерным и т.д.

Приезжавший во взвод из отряда инструктор политработы ГАЛУЗИН бю-рократически подошел к своей обязанности проверки состояния взвода, дал отличную оценку взводу и тем самым ввел в заблуждение командование отряда.

Начальник отряда РАТНИКОВ и комиссар отряда ТРУБАЧЕВ, не проводя личного контроля службы, боевой и политической подготовки подразделений, не сумели своевременно вскрыть бездеятельности командира див-на ПОРТЯНКИНА и политрука МЕЛЬНИК, не сумели обеспечить такой постановки партийно-политической работы в д-не, когда действия проходимца ГУРОВА и др. были бы немедленно разоблачены стрелками, мл. Начсоставом.

В данной обстановке ГУРОВ и др. были разоблачены и арестованы по-мимо командования и политаппарата отряда.

П Р И К А З Ы В А Ю:

1. Командира взвода ГУРОВА, помкомвзвода ТКАЛИЧ, стрелков: СМИР-НОВА и ДАНИЛИНА /от работы отстранить/ и предать суду.

2. Командира д-на ПОРТЯНКИНА как не справившегося с работой, про-водившего очковтирательство - от работы отстранить, дело о нем пере-дать для следствия 3-му Отделу.

3. Политрука МЕЛЬНИК за развал партийно-политической работы в д-не, арестовать на пять суток и перевести на низшую должность.

4. Инструктору политработы т.ГАЛУЗИНУ за чиновничье бюрократичес-кое отношение, к проверке работы взвода объявить строгий выговор.

5. Начальнику отряда РАТНИКОВУ и комиссару отряда ТРУБАЧЕВУ за слабое руководство отрядом - объявить строгий выговор.

6. Вр.нач.отряда т.МАТУШКИНУ и комиссару отряда ТРУБАЧЕВУ принять необходимые меры по укреплению кадрами и улучшению партийно-политичес-кой работы и боевой подготовки в 4-м дивизионе в декадный срок.

7. Нач.Отряда в декадный срок изъять всю службу из з/к з/к в подразделениях и в штабе отряда, а также с получением пополнения изъ-ять из отряда всех стрелков из з/к з/к.

Настоящий приказ в 7-ми дневный срок Нач. и комиссару отряда про-работать во всех подразделениях отряда с командно-политическим соста-вом, мл. начсоставом и в/н стрелками.

Начальник Управления
ВЯТЛАГ"а НКВД СССР:

/НЕПОМНЯЩИЙ/

Архив Учреждения К-231,д.Н 1,л.25.

б/ Вятлаг военного времени (1941 - 1945 годы)

Внутренняя структура Вятского ИТЛ в начале войны отчетливо прос-леживается по датированному 23-м июля 1941 года "Акту о принятии Вят-лага НКВД СССР лейтенантом госбезопасности Левинсоном Н.С. от Долгих И.И.". Новый хозяин получил в "наследство" от уходящего достаточно упорядоченный комплекс из 12 лагпунктов, расположенных по линии своей собственной железнодорожной ветки (ГКЖД) на протяжении 45-ти километ-ров. В составе Управления ИТЛ - 19 балансовых подразделений, из коих 3

переведены на внешний хозрасчет, а остальные 16 находятся на внутреннем хозрасчете. По состоянию на момент передачи, списочное "лагерное население" насчитывает 19.650 заключенных. При штатной положенности в 2.058 вольнонаемных работников фактически их значится 1.662 человека. Некомплект охраны (378 штатных единиц) частично возмещен "самоохранниками" из числа "контингента" (по свидетельствам и воспоминаниям, последние проявляли гораздо больше лютости к своим сокамерникам, нежели штатные надзиратели). В общем числе "лагнаселения" мужчин - 17.890, остальные (соответственно) - женщины. Кстати говоря, лагерь изначально создавался для совместного "обоеполого" содержания, мужские и женские "подзоны", сектора и бараки были вполне "взаимопроницаемы" для заключенных с целью, выражаясь на их языке, "обмена мнениями" по вполне понятным "вопросам". Ну а мужская часть лагадминистрации имела в этом плане самые "широкие возможности", могла обзаводиться (и обзаводилась нередко) целыми гаремами из вятлаговских невольниц. Надо сказать, что отнюдь не брезговали "зековской клубничкой" и наиболее разбитные ее любительницы из вольнонаемного персонала... Конечно, случались и подлинные человеческие драмы: ведь "тянули срока" люди в основном молодые и так понятна их неутоленная жажда жизни, любви, красоты... Сколько же глубоких искренних чувств, страстно любящих сердец, светлых надежд раздавила, разбила, стубила немилосердная гулаговская душедробилка - никакой сверхсовременной научной методе не по силам найти хотя бы приблизительно точный ответ на этот вопрос. Впрочем, это уже из других сфер человековедения, мы же вернемся к более прозаическим вещам.

Забегая вперед, отметим, что производственный план 1941 года (еще по инерции мирного времени) Вятлаг успешно освоил. Основные параметры плана и его выполнения можно представить по следующей таблице (Д о к у м е н т N 10):

	План	Выполнение	Процент
	(тысяч кубометров)		
Заготовка	600	985	164
Подвозка	530	530	100
Вывозка	850	1029	121
Лесопиление	90	104	116
Шпалопиление (тыс.шт.)	200	214	107
Разделка балансов(т.ф/м)	60	61	101
Разделка дров	500	325	65

Понятный и особый интерес для нас представляют показатели "трудоемкости" (специфически гулаговский термин) заключенных. Весь "контингент" в ИТЛ подразделялся на три основные группы - "А", "Б" и "В". К первой из них относились заключенные, годные (по состоянию здоровья) к тяжелому и "средне-тяжелому" физическому труду, то есть, отбросив канцелярские эвфемизмы, к работам на лесоповале. Ко второй - годные только к легкому физическому труду. И к третьей - инвалиды, а также неработающие больные. Так вот: одна из важнейших гулаговских плановых цифр - это количество заключенных группы "А": ее стремились сделать как можно больше. Однако и в мирное время ее реальный уровень выше 70-73 процентов редко когда поднимался. Группа "В" насчитывала в Вятлаге на 15 июля 1941 года 937 человек (7,15 процента от списочного состава рабсилы), но вскоре количество "забалансовых инвалидов", кото-

рые (по мнению начальства) "даром едят лагерный хлеб" и портят отчетную статистику, увеличится многократно. И мало кто из этих "доходяг" переживет страшный 1942-й год...

К "работающей слабосилке" (термин из упомянутого "Акта..." и других вятлаговских документов), то есть к группе "Б", отнесены 3.774 человека (28,8 процента). Таким образом, группа "А" ("рабочая") в начале войны составляла чуть более двух третей - 70,65 процента. Отчетный показатель смертности среди заключенных Вятлага за первую половину 1941 года - 220 человек: в сравнении с грядущим повальным мором - это мизер. Лагерники, по данным санотдела Управления (САНУ), болели в основном цингой, гриппом и пеллагрой. Количество травм на производстве сопоставимо с "клинической" смертностью - 165 случаев за январь-июнь того же года.

Не менее важны для нас и сведения о наполняемости подразделений Вятлага, о распределении мужчин и женщин в составе заключенных, количестве инвалидов среди них. Все это наглядно "вырисовывается" из таблицы (Д о к у м е н т N 11), приводимой в одном из приложений к "Акту..." (общая численность заключенных здесь несколько меньше, поскольку зафиксирована по состоянию на 15 июля 1941 года, то есть без учета "движения контингента" за последующую неделю):

Наименование л/п	Мужчин	Женщин		Всего	Из них инвалидов
		Мужчин	Женщин		
1 лагпункт	1.188	161	1.349	249	36
2 лагпункт	1.130	46	1.176	301	13
3 лагпункт	1.340	70	1.410	243	25
4 лагпункт	1.356	165	1.521	1.124	131
5 лагпункт	2.625	191	2.816	347	23
6 лагпункт	1.497	74	1.571	264	44
7 лагпункт	3.071	103	3.174	35	5
8 лагпункт	1.148	76	1.224	98	25
9 лагпункт	2.066	99	2.165	239	6
10 лагпункт	1.286	61	1.347	364	11
11 лагпункт	350	79	429	68	46
Зуевский с/х	833	581	1.414	255	43
Итого	17.890	1.706	19.596	3.587	408

Война обернулась в буквальном смысле смертельной катастрофой для значительной части заключенных Вятлага: голодный 1942-й год пережила едва ли половина из них. Немалая часть трудоспособных лагерников (осужденных по "легким бытовым" статьям) была мобилизована в РККА и пополнила собой шеренги печально знаменитых и заведомо обреченных штрафных батальонов. В опустевший Вятлаг, не способный выполнять "производственную программу", срочно "этапировали" из Сибири и Казахстана несколько тысяч немцев-"трудармейцев", подвергнутых в августе-сентябре 1941 года внесудебным репрессиям в АССР немцев Поволжья и других регионах "компактного проживания" и выселенных в "места отдаленные". Вятлаговской судьбе этих людей посвящен особый раздел данной книги.

Определенное представление о Вятском ИТЛ, переживавшем самое тя-

желое свое время, дает "Акт передачи Вятлага НКВД СССР от капитана госбезопасности Левинсона Н.С. полковнику Кухтикову А.Д." (4 января 1944 года). Данные этого документа вполне сопоставляются с аналогичным актом 1941 года.

Итак, к началу 1944 года Вятлаг состоит из семи ОЛП (отдельных лагпунктов) и одного лесозаготовительного отделения (ЛЗО), объединяющих 22 подразделения и расположенных на ветке Гайно-Кайской железной дороги. Внутри этих подразделений имеются два "совхоза", десять лагпунктов и столько же подкомандировок. Зуевский совхоз с 1-го декабря 1943 года передан в ведение Кировского областного управления НКВД.

Из 15-ти подразделений с самостоятельным балансом находятся на внешнем хозрасчете по-прежнему 3, на внутреннем хозрасчете - 12. Лаг-население существенно сократилось: приток "свежей крови" сведен к минимуму - люди нужны везде (на фронте и в тылу) и государство временно ограничило масштабы пополнения "истребительных лагерей" (чаще со скамьи подсудимых отправляют на "позиции" - "искупать вину кровью"). На 1-е января 1944 года в Вятлаге содержатся 11.979 заключенных, из них женщин - 3.076, а также около четырех тысяч (точнее - 3.891 человек) "трудмобилизованных" немцев (в том числе 947 женщин). Общий списочный состав "контингента" - 15.870 человек. Отметим, что положение немцев-трудармейцев в лагере даже несколько хуже, чем у "просто заключенных", значительно выше среди так называемых "нацменов" и смертность, но по формальным параметрам (как и еще одна категория - "следственные" из числа интернированных прибалтов и луганских /ворошиловградских/ немцев) они проходят по лагерным учетам отдельной строкой, поскольку юридически не являются осужденными. Отсюда и некоторые "экзотические" нюансы их лагерного бытия: скажем, этническим немцам высочайше позволено сохранять в своих рядах партийную и комсомольскую организации, которые, кстати, в "свободное время" (это при минимально 12-часовом рабочем дне!) обязаны были проводить всю диктуемую политотделом "идеологическую работу" (и проводили - да еще как! - чисто по-немецки, организовано, пунктуально и, разумеется, "на высоком идейном-политическом уровне").

Очередные этапы с "контингентом" прибывали в ИТЛ и отправлялись из него строго по нарядам ГУЛАГа, "маневрирование" рабочей силой осуществлялось под бдительным контролем НКВД. За 1941-1943 годы в Вятлаг доставлено свыше 40.000 заключенных и более 8.000 "мобилизованных" немцев. Часть из них позднее "переправили" в другие ИТЛ или в штрафные батальоны (так, крупнейший этап, насчитывавший около 1.500 человек, в июле 1942 года "ушел" на Урал, в Усольлаг, а затем - в августе-сентябре - еще 500 заключенных передали по мобилизации в ряды РККА). Основная же масса лагерников осталась в кайских болотах и многие (очень многие!) нашли последний приют на здешних убогих околосоновских погостах... Но об этом - речь впереди. А сейчас обратимся вновь к сухим статистическим выкладкам.

Плановые производственные показатели Вятлага 1943-го и 1944-го годов вполне сопоставимы: заготовка древесины (соответственно) 630.000 и 620.000 кубометров; вывозка - 660.000 и 650.000 кубометров (в связи

с безнадежным провалом плана 1943 года задания на следующий год лагерю - правда, чисто символически - уменьшили, хотя, надо сказать, примерно с такими же объемами 1942 года и теми же ресурсами Вятлаг справился успешно). Помимо привычного сортимента (круглого леса, пиломатериалов и дров) лагерю в военную пору доводятся задания по выпуску оборонной продукции - спецтары, авиабруска, авиапланки, ружболванок и др. В духе истинно советских традиций искусственно поддерживается и нагнетается атмосфера трудового соперничества ("социалистического соревнования") между лесными ИТЛ, причем каждый лагерь, наряду с участием, так сказать, в "общекомандном" состязании, имеет еще и конкретного напарника, с которым "соревнуется" напрямую: таковым партнером-соперником для Вятского ИТЛ в годы войны был Унжлаг. И в этом "единоборстве" Вятлаг на этапе 1943 года занимал отнюдь не лидирующие позиции.

Группа "В" (то есть численность неработающего "контингента") составляла в Вятском лагере на 1 января 1944 года 2.385 человек (24,4 процента списочного состава) и увеличилась по сравнению с 1941-м годом более чем в 3 раза. Инвалидов, годных только к легкому физическому труду, - 3.489 человек, или 29,3 процента. Умерли за вторую половину 1943 года в целом по лагерю 1.524 человека - каждый десятый из содержащегося списочного "контингента". Каждый пятый лагерник - 2.435 человек, состоящих на учете САНУ, - поражен дистрофией. Кстати, среди немцев-"трудармейцев" группа "В" еще значительнее - 1.385 человек, или 34,4 процента (так что "идеологическая работа" в этом плане помогает слабо).

Жизнь лагерного населения в годы войны ухудшилась по всем параметрам - и весьма существенно. Администрацией, с подачи из центра, предпринимается комплекс хаотических, мало продуманных и не связанных друг с другом мер, направленных на ужесточение режима: повышается уровень изоляции заключенных, усиливается охрана, изымаются репродукторы, запрещаются получение газет, свидания и переписка с родственниками, отменяется освобождение лиц, отбывших лагерный срок, еще более удлиняется рабочий день и соответственно увеличиваются нормы выработки для обессиленных, голодных и полураздетых людей. Административный беспредел затрагивает не только заключенных: с 10 ноября 1941 года приказом начальника Управления рабочий день для сотрудников аппарата увеличен на 3 часа: все обязаны, помимо основного рабочего времени, "приходить на службу с 9 до 12 часов вечера". Впрочем, становится все более очевидным, что такие драконовские методы себя исчерпали и сама жизнь выдвигает на первый план как альтернативу чекистам-изуверам новый тип руководителей - умелых хозяйственников, понимающих, что путь к обеспечению производственных успехов лежит через определенное изменение отношения к "рабсиле" в сторону (хотя бы относительной) гуманизации. Не случайно, надо полагать, назначение на "первый пост" в Вятском ИТЛ полковника А.Д.Кухтикова, ранее возглавлявшего Политотдел лагеря. И это - отнюдь не редкий для ГУЛАГа военных лет случай превращения бывшего политотдельца в рачительного и деловитого хозяйственника.

Но все это - впереди, а пока Вятлаг изнемогает от чекистско-бюрократического головоутиательства. Начальник Управления Н.С.Левинсон, выступая на собрании партактива в феврале 1943 года (на исходе самой

трудной для лагеря военной зимы), назвал самые острые, с его точки зрения, проблемы Вятлага. Бытовые условия многих заключенных, - констатирует Н.С.Левинсон,- очень плохи: нет света, тепла, сушилок, бань, матрасов на нарах. "Использование рабочей силы на большинстве лагерных пунктов, - клеймит он своих подчиненных, - просто варварское". Людей заставляют работать до 16-ти часов в сутки, при том, что организуется все лагерное производство по-прежнему на основе примитивного физического труда - вручную, без соблюдения элементарных санитарных норм и правил техники безопасности. Продукты разворовываются прямо со складов и кухонь, так что и без того урезанный государством паек рядовые лагерники получают еще более "похудевшим". Из-за "разутости и раздетости" чуть ли не повседневными являются случаи массового "обморожения" заключенных на производстве. Начальники лагпунктов не задумываясь водворяют в ШИЗО (штрафные изоляторы) целые бригады, не оформляя при этом никакой документации. Повсеместны факты избиений заключенных представителями лагадминистрации. "Прокуратура лагеря как блюстительница революционной законности бездействует", - патетически возглашает Н.С.Левинсон. И прокуратура действительно существовала в Вятлаге лишь номинально, хотя иначе и быть не могло - ведь она (так же как и "собственный" лагерный суд) являлась чисто декоративным, "карманным" органом, повязанным лагерной администрацией и штампующим любые, даже откровенно противозаконные ее решения.

Левинсон не зря "метал громы и молнии": прожженный аппаратчик, чекист до мозга костей, он чувствовал, что над ним сгущаются тучи. И действительно - на следующем (апрельском) собрании партактива ИТЛ ситуация накалилась уже для самого Ноя Соломоновича. По итогам "соцсоревнования" за первый квартал 1943 года Вятлаг оказался на последнем месте среди лесных ИТЛ, не выполнив план "по всем статьям". На собрание актива прибыл "сам" тогдашний секретарь Кировского обкома ВКП/б/ В.Лукиянов, который устроил в лагере настоящий "аврал". Для этого партийный босс имел веские основания: Вятлаг поставлял (и в немалых объемах - только за зиму 1942-1943 годов 140.000 кубометров) дрова для электростанций области, которые, в свою очередь, снабжали энергией военные заводы, так что в стабильной работе лагерного "основного производства" Лукьянов был кровно заинтересован. Между тем, ознакомившись с положением дел на месте, он пришел к выводу, который и огласил на собрании партактива: на основных работах в лагере занято не более 10-15 процентов людей. Заверения Левинсона в том, что такое положение будет срочно исправлено и "лагерь даст план", Лукьянов не принял. Назревали "оргвыводы".

Чекисты отчетливо понимали это и, опасаясь лишиться пригретых мест в далеком тылу и оказаться на фронте, "рвали и метали". Однако кардинально переломить ситуацию к лучшему в 1943 году им все-таки не удалось. Результат, в общем-то закономерный: свирепое администрирование, жестокая потогонная система выводили из строя и людей и лошадей - за 1943 год голодом и непосильной работой загубили 75 процентов конского поголовья (о лагерной "рабсиле" - разговор особый). Нередко говорили тогда на самых разных совещаниях и собраниях о "варварском отношении к лошадям и антимеханизаторских настроениях", однако средства механизации (станки, тракторы, лесопилки) по-прежнему простаивали: ма-

лограмотное лагпунктовское начальство по привычке больше полагалось на ручной зековский труд, "оснащенный" лишь пилой и топором, а при таком подходе к делу ждать иных результатов, кроме плачевных, и не приходилось. В "центре" (НКВД и ГУЛАГе) делают из сложившейся ситуации свои выводы, которые, впрочем, "новизной не блещут": усиливается и без того сверхжесткая централизация управления - работу лагерей вновь берет под свой личный контроль "железный сталинский нарком". Н.С.Левинсон, выступая в июле 1943 года перед партактивом Вятлага, укоряет своих подчиненных: "Тов.Берия приказал, чтобы в первую очередь в лесных лагерях укомплектовывались основные работы. Он определил точно количество людей, которых наш лагерь должен выставлять на основные работы, а наши начальники лагподразделений до сих пор приказ тов.Берия не выполняют". Как видим, даже наркомовский контроль перестал "срабатывать", и тому были вполне конкретные причины. Катастрофически не хватало "рабсилы" для основного производства: например, на 13-ом ОЛПе требовалось по группе "А" не менее 1.700 человек, а в наличии имелась только половина, причем без каких-либо перспектив увеличения "рабочего контингента". В мае 1943 года туда прибыл крупный этап из Курской области (2.002 человека, в том числе 1.600 подследственных), но в этой массе более трети (791 человек) - тяжело больных (дистрофия, сыпной тиф), а 1.057 человек - ограниченно пригодны к труду и определены в группу "В".

Примерно такое же положение наблюдалось и на других ОЛПах Вятлага. И оно ставило лагадминистрацию перед мучительными "коллизиями": переизбыток "дефектного контингента" мог обернуться угрозой для дальнейшей чекистской карьеры - именно так "чувствовали" ситуацию "граждане-начальники" и принимали "соответствующие меры". В разгар голода в лагере (январь 1943 года) начальник 13-го ЛЗО Авруцкий говорил на очередном управленческом совещании: "Мы имеем 100 процентов рабочей силы, а программы не выполняем, так как группа "В" катастрофически растет. Если бы те продукты, которые даются группе "В", дать здоровому контингенту, - мы бы не имели группы "В" и выполнили бы программу. Есть и саботажники, есть и просто ослабевшие люди. Если мы и дальше будем так работать, то через месяц мы не будем иметь рабочей силы. Положение с рабочим фондом катастрофическое".

Ясно и определенно выраженное Авруцким стремление "освободиться" от инвалидов и "слабосилки" - "лишних ртов"- начальники лагпунктов вполне могли реализовать (и реализовывали) на практике. Впрочем, физически полноценных "исполнителей программы" на некоторых лагподразделениях почти и не осталось. Так, начальник 3-го ОЛПа Попов на том же совещании объявил, что у него "из 900 человек - 300 больных, 300 инвалидов и 150 малолетних заключенных". "Кому же выполнять план?" - взывает Попов, как можно предположить, к президиуму совещания.

Но эти риторические восклицания получают жесткий отпор со стороны руководства Управления. В частности, критикуя работу оперчекистского отдела по итогам 1942 года, начальник ИТЛ в "разносном" стиле обрушивается на своих "сыскарей": "Совершенно не реагировали на антимеханизаторские настроения. Не привлечен к ответственности ни один хозяйственник за факты нечеловеческого отношения к рабочей силе, в результа-

те чего большое количество заключенных и трудармейцев вышли из строя и перешли в группу "В". И начальника Управления никак нельзя обвинить в "сгущении красок": уже в феврале того же 1943 года группа "В" в Вятлаге составила 6.500 человек - около половины(!) лагнаселения (и это не считая инвалидов). Начальник политотдела (на своем "партийно-специфическом" языке) также "укорял" лагпунктовское руководство: "Вы варварски относитесь к рабочему фонду! Несмотря на приказ заместителя наркоматов.Круглова, некоторые начальники лагпунктов не дают заключенным 8-часового отдыха. Многие работают по несколько суток без отдыха". Комментарии, думается, излишни...

В такой ситуации, начиная с 1943 года, в Вятлаг на основные работы (лесоповал, вывозку, разделку и погрузку древесины) принудительно направляются значительные массы мобилизованных колхозников из Кайского и других районов области. Это был, естественно, лишь временный, "пожарный" выход из положения: ведь в ГУЛАГе (как и по всей стране - в военные и другие годы) проблемы накапливались гораздо быстрее, чем решались.

Но вот что любопытно: несмотря на колоссальную тяжесть военного лихолетья, рядовые работники лагеря (и "вольные" и заключенные) вели себя в эти годы гораздо раскрепощеннее, в большей степени ощущая себя людьми, чем до войны. Безусловно, играла в этом свою (и не последнюю) роль крайне обострившаяся нехватка кадров: только за первые полтора года войны (июль 1941-го - декабрь 1942-го) из лагеря призвано на военную службу около 1.500 сотрудников и стрелков охраны. "Люди почувствовали, что они незаменимы, а отсюда - недисциплинированность," - выговаривало в январе 1943 года лагерное начальство командованию военизированной охраны (ВОХР).

Попутно - несколько данных об этой (немаловажной) лагерной службе. В ее штатах на 1942-й год - 1.699 человек с фондом месячной зарплаты 408.072 рубля. Тяжесть военного времени коснулась и сотрудников ВОХР: в 1942 году на военный заем "подписались" более 1.600 (точнее - 1.621) командиров и стрелков охраны на общую сумму 546.936 рублей, а это (ни много ни мало) 134 процента от месячного фонда зарплаты, о чем с гордостью рапортуют политотдельцы. Кстати, общая сумма "подписки" работников Вятлага на оборонный заем 1942-го года - 2.290.795 рублей, или 117 процентов к месячному фонду зарплаты. Собирали также деньги (и немалые, в том числе - среди заключенных и "трудармейцев") на эскадрилью новых самолетов "Лаврентий Берия", спроектированных в "спецшарашках" и построенных руками все тех же зеков на "номерных" заводах НКВД.

Отряд военизированной охраны Вятлага состоял из 6 дивизионов и 3 отдельных взводов. Комплектование подразделений ВОХР в военные годы производилось в основном за счет призывников старших возрастов, негодных к строевой службе. Так, из 1.090 стрелков пополнения 1942-го года вообще не служили в армии - 568, неграмотны - 131, малограмотны - 758.

Общая численность охраны лагеря в 1941-1942 годах по сравнению с мирным временем увеличена в два раза: гулаговское начальство опасалось

массовых беспорядков в зонах. Но уже в 1944-1945 годах фактически вернулись к довоенным штатам.

За 1943 год личный состав ВОХР (примерно полторы тысячи "штыков") обновился на 40 процентов: физически полноценных стрелков отправили на фронт (частично), а также в заградотряды, конвойные и другие войсковые "спецподразделения" НКВД, а образовавшиеся вакансии заместили инвалидами войны и "перестарками".

Одно из закономерных следствий: снижение качественного уровня охраны - только за январь-май 1943 года допущено 125 случаев побегов из-под надзора. А "уходили во мхи и во льды" заключенные, как правило, от полной безысходности и отчаяния. Оперуполномоченный 6-го ОЛПа Гороховский (на этом лагподразделении "концентрировались" беглецы-рецидивисты) заявил на одном из собраний: "Большинство побегов у меня из режимных бригад. Условия для заключенных в этих режимных бригадах созданы нечеловеческие. Заключенных заставляют работать по 16-20 часов в сутки. Бытовые условия для них созданы нечеловеческие и на следствии беглецы показывают, что единственный выход в дальнейшей жизни - это совершить побег".

К розыску и задержанию бежавших лагерников активно привлекалось местное население: в 16 районах Кировской области создано в годы войны 120 "групп содействия" общим числом 1.192 человека. За поимку и сдачу беглецов "добровольно содействующие" получали вознаграждение продовольствием и, надо сказать, этот горький хлеб они отработывали на совесть: в 1941 году не задержано всего семеро из 279 сбежавших от вятлаговской охраны заключенных, в 1943 году - также 7 из 256-ти. Непосредственно же стрелкам ВОХР за предотвращение или ликвидацию побега полагалась премия, а затем - и дополнительный отпуск, и это порой вводило в искушение имитировать, инсценировать, а то и спровоцировать попытку "ухода из-под конвоя", "нарушения запретной зоны" и т.п. Иногда подобные "спектакли" разоблачались, а их "постановщики" карались отправкой на фронт, но зачастую такое кровавое "лицедейство" вполне сходило с рук...

Командир одного из дивизионов ВОХР, оправдываясь за провалы подчиненного подразделения, заявлял в конце мая 1943 года, что это связано с нехваткой стрелков (1 конвой приходится на 60 заключенных, при норме - 1 к 15-ти), а кроме того "контингент в лагере сильно изменился. Если раньше было очень много бытовиков, то сейчас остался почти один рецидив и многие из них склонны к побегу". Все, о чем поведал командир ВОХР, действительно имело место, но это - лишь полуправда. Обобщая, можно сказать, что и в годы войны извечный тюремный антагонизм ("стража-узник") в советских лагерях (Вятлаг - отнюдь не исключение) проявлялся в присущих гулаговской системе крайних и бесчеловечных формах.

Еще одна (и существенная) сторона вятлаговского бытия заключалась в том, что этот лагерный затерянный в таежном океане "материк" вынужден был (и пытался) обеспечивать себя продовольствием (прежде всего - овощами и картофелем) - и это в суровых даже для Вятского края клима-

тических условиях, на болотистых, кислых и бедных кайских почвах... По сути, Вятлаг представлял собой неуклюжий симбиоз "леспромхоза с колхозом": помимо небольшого числа специализированных лагпунктов-сельхозов, плановые задания по производству сельхозпродукции, посевным площадям и сбору урожая доводились до всех без исключения ОЛПов и ЛЗО. За сельхозработы отвечал лично первый заместитель начальника Управления, он же по должности - "главный чекист" лагеря. О масштабах этих работ дают некоторое представление следующие данные: на 17 июня 1943 года в целом по Вятлагу посевы зерновых, посадки картофеля, корнеплодов и овощей заняли 2.651 гектар (95 процентов к плану). При таких объемах, казалось бы, подсобное хозяйство могло (и существенно) в голодные военные годы "подпитать" продуктами не только администрацию, но и "контингент". Однако дела в лагерном "сельском хозяйстве" велись так же, как и всюду, - чисто по-советски, "через пень колоду": вспахать-засеять, чтобы отчитаться о выполнении плана, а там - хоть трава не расти...

Отсюда - и результаты. На конец сентября 1942 года скосили травостой на площади 6.788 гектаров (около 140 процентов к заданию), а вот сена застоговали только 68 процентов от запланированных объемов (4.568 тонн). Аналогичная картина и по другим переделам сельхозработ: выполняли планы не по урожаю, а "по площадям". Картофеля накопили в том же году лишь 1.140 тонн (при плане - 5.814), овощей собрали 475 тонн (план - 1.634), зерна намолотили 625 тонн (план - 2.404). Правда, уборка полностью завершилась позднее - в октябре - и окончательные итоги несколько "подросли", но до установленных планом все-таки далеко не дотянули...

Другая вечная забота вятлаговцев - и администрации и "контингента" - формулировалась коротко и всякий раз тревожно: "как пережить очередную зиму?" Хотя готовиться к новому "холодному сезону" начинали еще с весны, завершалась эта "подготовка", как водится, авральным порядком и на авось. Уже в июле 1943 года Политотдел Вятлага (а он всегда функционировал на правах райкома партии) слушает вопрос "О подготовке лагеря к зиме". Работа в этом направлении признается неудовлетворительной: из 140 жилых бараков отремонтированы лишь 47; из больничных стационаров и амбулаторий (общим числом - 51) - только 16; из 160 домов для вольнонаемного состава - всего 38; из 23 казарм ВОХР - 5; из 32 кухонь и столовых - 8 и т.д. Отсутствует и необходимый запас топлива, в том числе - дров: как заведено на Руси - "сапожник без сапог". А ведь первые заморозки здесь случаются уже в начале августа, в сентябре появляются и "белые мухи"... Словом, лагерь входил в зиму 1942-1943 годов совершенно не готовым к ней, что и обернулось в дальнейшем самыми ужасными последствиями, прежде всего - для "контингента".

Бедственное положение и на транспорте: паровозный парк за первые годы войны предельно изношен. Средний пробег на каждый локомотив составил в 1942 году 102.000 километров против 40.000 по норме. Возросло число аварий на железной дороге - сходов вагонов и составов с пути, загораний паровозов и т.п. А любой серьезный срыв в работе "железки" грозил для Вятлага параличом всей его жизнедеятельности: нарушалась единственная устойчивая связь с "Большой Землей", обрывалась и без того тонкая "привязка" к жизни страны, а главное (по крайней мере - для

лагерного руководства) сбивался жестко контролируемый из "Центра" график вывозки древесины, ее поставок народному хозяйству. Поэтому для ликвидации прорывов на ГКЖД бросали все силы и средства, в ущерб остальным, пусть и самым насущным, делам и нуждам.

Между тем, эти нужды "криком кричали" из всех вятлаговских углов. Нищета, скудость во всем пронизывают лагерную жизнь, делают ее еще более убогой, серой, бездуховной. На весь огромный лагерь в 1942 году Кировский обком партии выделил следующий лимит периодической печати (значительно "урезанный" по сравнению с предыдущим, 1941-м годом): "Правда" - 50 экземпляров, "Известия" - 10, "Комсомольская правда" - 8, "Кировская правда" - 400 экземпляров. То есть сведения о жизни "большого мира", в том числе и о событиях на фронте, вятлаговцы получали в основном из слухов и примитивных "политинформаций", проводившихся полуграмотными партийцами и работниками "культурно-воспитательных частей" (КВЧ). Правда, со 2 февраля 1943 года по решению Политотдела ГУЛАГа для лесных лагерей начала издаваться газета "Лес - стране" (за год вышло 36 номеров), а затем организуется выпуск собственных "многотиражек" в каждом ИТЛ. Но содержательный уровень всех этих изданий не слишком уж отличался (в лучшую сторону) от того, что представляла собой партийно-пропагандистская работа в целом: максимум трескучей штампованно-лозунговой пропаганды при минимуме достоверной информации.

Вместе с тем нельзя не заметить, что в военные годы поубавилось "давление" на сотрудников со стороны политотдела Вятлага: меньше стало фанфаронства, "политучебы", всевозможных собраний и заседаний. Хотя с "партийного крючка" старались не отпускать никого, и число выговоров "по партийной линии" за аморальное поведение и "бытовое разложение", за пьянство и "запрещенные интимные связи с заключенными" не уменьшалось. Впрочем, "партийные выволочки" мало кого останавливали и пьянство "процветало" - буйно и повсеместно, среди всех категорий лагерных работников, независимо от чинов и званий. Любопытно в этой связи "покаянное" объяснение, которое представил на заседании партбюро оперуполномоченный Григорьев, обвиняемый в том, что он в служебное время пьянствовал с "иногородними" колхозниками и кучером-трудоармейцем (немцем): "14 марта (1943 года) я выехал в деревню Сысола, где встретился с политруком Смолиным, который пригласил меня выпить бражки. Поехали мы с ним в деревню Куницыно, где встретили двух женщин - Вагину и Масленникову, с которыми вместе выпили. Достали балалайку, девушки танцевали. В комнату, где мы находились, заходили колхозницы. Кучер, немец-трудоармеец, находился в другом помещении. Я сознаю, что допустил нетактичный поступок, выпил бражки со Смолиным и двумя женщинами".

И вот что показательное: "журили" Григорьева на партбюро не за пьянство как таковое, а за то, что он, так сказать, "утратил революционную бдительность", позволил себе "расслабиться" с рядовыми колхозниками и (основной "криминал") - с подопечным-трудооблизованным. Но закончилось "персональное дело" для пьяницы-оперативника, в общем-то, благополучно: учитывая, что Григорьев "хороший работник", хотя и "сжился с руководством лагпункта", партбюро вынесло ему даже не выговор, а предупреждение - пей, дескать, да знай, когда, как и с кем (вне

службы, "втихаря" и со "своими").

В заключение рассказа о Вятлаге военной поры - еще несколько характерных штрихов его облика тех лет.

Женские бараки в зонах по-прежнему не имеют "глухой" изоляции от мужских, так что нравы во взаимоотношениях "лиц противоположных полов" остаются достаточно "свободными": от неприкрытой скабрёзности до своеобразного лагерного романтизма. Для администрации заключенные - и бесплатная прислуга, и нередко "дублеры" на службе, "тянущие" основную производственную ношу. По ночам из-за нехватки электроэнергии и отсутствия керосина как жилые зоны, так и рабочие объекты и складские помещения зачастую не освещаются, отсюда - "обилие" краж.

Хронический недуг Вятлага - очковтирательство и приписки (завышение в отчетах объемов проделанной работы). Начальство сплошь и рядом это устраивало: план, хотя и на бумаге, но "выполняется". Однако не всегда такое "лукавство" сходило с рук: за выполнение плана 1942 года капитану госбезопасности начальнику Вятлага Н.С.Левинсону преподнесли к празднику (7-му ноября) орден Боевого Красного Знамени, а за срыв производственной программы 1943 года - перевели с понижением в другой ИТЛ, с меньшим объемом - не все фиктивные цифры "проходили", нужны были и реальные тысячи и тысячи кубометров отгруженной древесины. А вот здесь очень "выручали" пожары и другие стихийные бедствия, которые "помогали" прятать следы приписок, в том числе - значащиеся только на бумаге, но фактически не произведенные объемы продукции. Наличествовали и другие "крючкотворские" уловки для того, чтобы безболезненно "улучшить", "подтянуть" реальные результаты работы лагеря поближе к плановым показателям: ну, скажем, в 1942 году, с целью "снижения процента смертности заключенных" начальники лагпунктов принялись в массовом порядке "активировать" (то есть формально, на бумаге освободить) доходяг, которым жить оставалось от силы день-два. Умирали эти бедняги "вольными", порой и не подозревая об этом, и тем самым "вносили свой последний вклад" в улучшение вятлаговских отчетных данных...

Происходят и некоторые изменения в топонимике Вятлага. Поселок при железнодорожной станции Лесная, где располагалось Управление лагеря, как уже говорилось, долгое время (в духе 30-х годов) именовался "Соцгородок" - название банальное и достаточно типичное для гулаговских территориальных центров. И вот новым начальником Вятского ИТЛ полковником А.Д.Кухтиковым издается 24 июня 1944 года приказ N 510 (Документ N 12):

"...Содержание: О наименовании поселка Вятлага НКВД.

Существующее ныне нарицательное название "Соцгородок" - на территории которого расположено Управление лагеря - изменить и впредь именовать - поселок Лесной Вятлага НКВД СССР".

Так, без особых формальностей, и состоялось именованье ныне существующего поселка Лесного. Впрочем, как мы увидим в последующем, отнюдь не только до этого "доходили руки" у деловитого и хозяйственного полковника Кухтикова, при котором Вятлаг и встретил завершение войны. А затем в одряхлевших было жилах таежного лагеря вновь заструилась

"свежая кровь" - бесконечные этапы с "рабочей" силой нарастающим потоком пошли в вятлаговские ворота...

П Р И Л О Ж Е Н И Е.

Б и о г р а ф и ч е с к и й о ч е р к.

В о с с т а н и е Д м и т р и я П а н и н а.

Вятлаг в войну и после нее прошло немало знаменитых людей России. Об одном из них мы и расскажем.

Дмитрий Михайлович Панин (1911 - 1987) был продолжателем той достойной русской традиции одиноких и самостоятельных мыслителей, что были во все времена: в Новгороде и Тобольске, Пскове и Москве, Перми и Нижнем... Умы, самостоятельно ищущие свой путь в этом мире, конструирующие его своей, выстраданной логикой, - достойны уважения и осмысления. И уж тем более в нашем людоедском XX веке, когда воистину люди в России жили, "под ногами не чуя страны". Но мысль, распластанная по земле, развеянная, казалось бы, лагерной пылью, - жила. Как ни странно - именно в ГУЛАГе многие политзаключенные получили возможность в 1920-е - 1950-е годы получить широкое представление о мире, толику образованности - а самое главное - в многодневных (а не многолетних ли?!) жарких спорах, дискуссиях, обмене личным опытом - попытаться переосмыслить судьбу человека в мире, судьбу России, перетряхнуть розово-оптимистические идиллии дореволюционной интеллигенции о народе-богоносце. Философы и писатели, сформированные-переогромленные лагерем... Увы, большинство их погибло в лагерях, превратилось в лагерную пыль, как миллионы их товарищей по несчастью. Вернуться на волю, высказаться честно и свободно довелось очень немногим. Мы их помним и чтим: В.Шаламов, А.Солженицын, О.Волков... - эти имена у всех на слуху.

Менее известен, хотя (с моей точки зрения) не менее любопытен духовный опыт Дмитрия Панина - оригинального инженера, самобытного философа и мыслителя, глубоко и искренне верующего христианина. Его книги - "Держава созидателей", "Мир-маятник", "Вселенная глазами современного человека" опубликованы во Франции (где он жил и работал с 1972 года) и нам практически неизвестны. А жаль... Это - плоды зрелого и оригинального ума. Чистое вино мысли... В опубликованных в России записках Панина ("Лубянка - Экибастуз" /лагерные записки"/. М., 1991) в отличие от множества других мемуаров гулаговцев мы видим, что автор философски осмыслил лагерную жизнь - как новый для себя космос. Чего только стоит такое, например, его утверждение? "После первых месяцев лагеря я пришел к окончательному выводу, что мир заключенных отображает советскую действительность; она же повторяет во многом жизнь за ключей проволокой... Заключенные берут все, что можно пронести в зону или сожрать на месте, а на воле многие тащат с работы то, что плохо лежит..., нельзя винить за это людей, живущих в таком обществе". Таким образом, лагерь представляется ему гигантской тюрьмой в тюрьме, со своими законами и основами бытия, которыми, кстати, Панин, как прирочденный лидер, овладел весьма неплохо.

Потомок старинного русского дворянского рода, Дмитрий Михайлович даже в лагере (естественно, в относительно спокойные периоды бытия)

был очень красив и хорош собой. Близко знавший его А.Солженицын, выведший его под фамилией Сологодина в своем романе "В круге первом", писал: "Лицо Сологодина, собранное, худощавое, со светлой курчавящейся бородкой и короткими светлыми усами чем-то напоминало лик Александра Невского". Немножко ниже, повторяясь, подтверждал: "С белокурой бородкой, с ясными глазами, высоким лбом, прямыми чертами древнерусского витязя, Сологдин был неестественно, до неприличия хорош собой". Мне довелось увидеть лагерную фотографию Панина (в следственном деле 1943 года - анфас и профиль) и я подтверждаю это. Благородством и духовностью веет от облика этого человека.

В романе Солженицына отчетливо видно изумление и удивление автора - его некоторое любование (с оттенком, впрочем, в иных местах романа плохо скрытой иронии и едкой насмешки) яркой и оригинальной личностью Сологодина-Панина: "Он (Сологдин - В.Б.) был ничтожный бесправный раб. Он сидел уже двенадцать лет, но из-за второго лагерного срока конца тюрьме для него не предвиделось... Сологдин прошел чердынские (неточность - вятские) леса, воркутинские шахты, два следствия - полгода и год, с бессонницей, изматыванием сил и соков тела. Давно уже было затоптано в грязь его имя и его будущность. Имущество его было - подержанные ватные брюки и брезентовая рабочая куртка... Дышать свежим воздухом он мог только в определенные часы, разрешаемые тюремным начальством.

И был нерушимый покой в его душе. Глаза сверкали как у юноши. Распахнутая на морозце грудь вздымалась от полноты бытия".

Впрочем, в своих записках Панин также с большой симпатией и несколько по-опекунски описал Солженицына времен "шарашки" и Особлага.

Значительная часть мемуаров Панина (более трети объема книги) посвящена пребыванию автора в Вятлаге. Панин был в Вятлаге с 28 августа 1941 года до 1945 года. Будучи хорошим инженером, он работал в механических мастерских 5-го ОЛПа (отдельного лагпункта) Вятлага НКВД СССР (так официально именовался лагерь).

Именно в Вятлаге в 1943-1944 годах было создано второе следственное дело Панина - а это одиннадцатимесячная тюрьма, допросы, новый срок и полная дистрофия, выжил после которой Дмитрий Михайлович только чудом. Панин (и 27 его подельщиков) обвинялись в подготовке к вооруженному восстанию и побегу из лагеря - это расстрел или 10 лет лагерей.

Очевидно, что следователям очень хотелось (по образцам 1937 года) создать нечто очень громкое, получить за свою усердную работу причитающиеся дивиденды. Трехтомное следственное дело, впрочем, сохранилось. И мы можем сравнить впечатления Панина, записанные им на склоне дней в мемуарах, с кровавой вязью допросов, очных ставок и признаний подследственных.

"На следствии, - писал Панин, - я не скрывал свои взгляды. Я знал, что если расстрел наш состоится, то я умру с сознанием, что, возможно, будущий историк скажет спасибо, когда в ворохе лжи и глупых выдумок наткнется на искреннее мнение человека той эпохи". Час пробил. И следственное дело Панина в руках историков. Оправдались ли его надежды? Думаю, что нет. Однако - начнем по порядку.

19 марта 1943 года в одну ночь, в лучших чекистских традициях, как иронизировал Панин, чекисты Вятлага (а так они, кстати, назывались на вполне законных основаниях, т.к. были сотрудниками оперчекистского

отдела) произвели на нескольких лагпунктах аресты 28 заключенных. Поводом для ареста, по мнению Панина, послужила неразумная болтовня одного из участников подготовки к побегу Павла Александровича Салмина. "Несомненно, Салмин трепал языком сверх меры, - писал впоследствии Дмитрий Михайлович, - хотя я и не обвиняю его в провокации. Иногда мне даже казалось, что он "травит баланду" с целью сшибить себе лишнюю пайку и талон на обед. Ужасно то, что он своей болтовней запутал многих людей и потом всех назвал на следствии".

Трехтомное дело действительно открывается обильными и пространными материалами допросов Салмина. Нам сложно представить себе живую атмосферу этих допросов. Но очевидно, что Салмин просто раскололся и начал говорить много лишнего - того, о чем его и не спрашивали. Очевидно, что с явной подачи следователя звучат такие слова его признания: "Мне хочется предотвратить еще большие подозрения и излишние аресты. Поэтому из соображений практической целесообразности (ох сколько людей эта чеканная формула подвела под монастырь - В.Б.) я решил дать исчерпывающие показания по делу и назвать всех людей, причастных к антисоветской повстанческой деятельности, но до сего времени скрывавшихся мною".

Показания Салмина - это труд двух человек: заключенного и следователя. Причем следователь подсказет, намекнет, проведет нужную мысль и необходимую формулировку. Отчетливо видно, что Салмин сотрудничает со следователем. Первым - в списке четырех человек, выданных Салминым на этом допросе, - стоит "Панин Дмитрий Михайлович - инженер-механик, осужденный по ст.58-10 УК к 5 годам лишения свободы, работавший в механических мастерских в качестве начальника отдела технического контроля. Из общения с Паниным я знал, что он враждебно настроен к советскому строю и к мероприятиям Советской власти". В последующих показаниях Салмин рассказал, что в сентябре 1942 года, общаясь с Паниным, он узнал о подготовке им группового побега из лагеря (в составе группы из 5 человек - заключенных пятого ОЛПа). Во время другого своего приезда в мехмастерские Салмин, по его словам, устроил настоящее совещание этой группы в инструментальном цехе, где изложил свой план восстания заключенных всего лагеря. Участники вполне справедливо посомневались в реальности этого проекта и настаивали на своем варианте группового невооруженного побега. Материалов Салмин дал очень много, недаром впоследствии Панин назвал его "романистом" и бойкотировал на пути из лагеря уже после следствия.

С этими показаниями следствие и обрушилось на Панина. Поставив дело Панина вторым после Салмина в томе, чекисты ясно показали этим, что считают его важным и опасным лидером заговора. Но если в деле Салмина более 160 страниц текста и документов, то в деле Панина чуть более 20.

Его поведение на следствии кардинально отличалось от поведения Салмина. На первом же допросе он полностью все отрицал. Это была глубоко продуманная и достойная линия поведения уверенного в себе человека. В деле, кстати, хранится и выписка из постановления Особого совещания при НКВД от 15 марта 1941 года, по которой Панин получил 5 лет лишения свободы (считая срок с 18 июля 1940 года - с момента ареста). Показательно, что допросы Панина ведет капитан госбезопасности Романенков - заместитель начальника оперчекистского отдела Вятлага. Отмечу, что система званий в НКВД была иной, чем в армии, и звание капита-

на госбезопасности примерно соответствовало армейскому полковнику.

Оставив в покое несговорчивого Панина, в значимости которого чекисты прекрасно разобрались, следователи сосредоточились на более податливых. Как писал впоследствии Дмитрий Михайлович, анализируя опыт следствия: "Чекисты, создавая абсолютно вымышленные дела, запутывали людей, которые под давлением "неопровержимых улик" из арсенала "Вышинского-Берия" давали искренние и чистосердечные показания".

Более месяца (с марта по май) Панина вообще не допрашивали, накапливая против него материал. В протоколе допроса от 5 мая 1943 года читаем:

В о п р о с: Следствием установлено, что вы проводили активную антисоветскую, повстанческую деятельность в лагере. Намерены ли вы дать правдивые показания по этому вопросу?

О т в е т: Я все время даю следствию совершенно правдивые показания о том, что никакой антисоветской деятельностью в лагере не занимался. В данное время могу повторить лишь то же самое.

В о п р о с: В антисоветской повстанческой деятельности вы уличаетесь показаниями ряда лиц, проходящих по этому делу в качестве обвиняемых, в том числе показаниями Салмина и Сучкова, которые вам зачитываются. Намерены ли вы и дальше скрывать свою преступную деятельность?

О т в е т: Зачитанные мне показания Салмина и Сучкова являются сплошной выдумкой, и я не верю, чтобы они могли давать подобные показания."

Заключенных во время следствия просто ломали. Панин вспоминал про начальника следственного отдела Вятлага Курбатова: "Это он, якобы чужими руками, подводил нас к расстрелу; держал меня все одиннадцать месяцев с уркаганами, настоял на продлении следствия после первого приговора и по этапу отправил на смерть наиболее ему неугодных".

Обложенный показаниями своих подельщиков, как волк в загоне, Панин принял продуманное решение - отмести обвинения в организации восстания и признать участие в подготовке побега. "В июле 1942 года, - показал он, наконец, на следствии, - в связи с переводом механических мастерских на 5-й лагпункт я тоже был переведен вместе с ними туда же. Здесь, на 5-м лагпункте, я снова встретил Сучкова (своего однодельца 1940 года - В.Б.) и наше общение с ним стало регулярным. В процессе обмена мнениями мы установили, что ввиду продолжавшейся войны продовольственное положение в стране с каждым днем будет ухудшаться, а положение заключенных в связи с этим к зиме 1942-1943 года станет критическим. Оба мы пришли к выводу, что если на зиму мы останемся в лагере, то неизбежно от недостатка продуктов питания умрем. Единственным выходом для спасения своей жизни мы считали побег из лагеря".

Мысль вполне здравая, учитывая, что предыдущей зимой 1941-1942 годов от голода и непосильного труда на лесоповале вымерло не менее половины заключенных Вятлага.

Затушевывая расстрельный для себя прожект вооруженного восстания, Панин рассказал о проделанной практически подготовке к побегу. При этом он не выходил за рамки информации, уже выданной следователю Салминым и Сучковым - двумя "романистами" этого следствия. С показаниями именно Салмина и Сучкова, данными против него, следователь предварительно ознакомил Панина. Опираясь на уже известные следствию факты, Панин и сообщил: "Для совершения побега нами было сделано следующее: Сучков заготовил до 15 килограмм муки, по несколько килограмм гороха и

сухарей. Он же достал административную карту Кировской области. Лично я достал котелок, один или два мешка и изготовил компас. В части подбора людей для побега мною было проделано следующее: в конце августа 1942 года я склонил на побег из лагеря мастера механических мастерских з/к Заморуева Василия Александровича, осужденного по ст.58 УК РСФСР. Я долго убеждал Заморуева в безвыходности его положения и в необходимости совершения побега из лагеря и наконец, после нескольких бесед, мне удалось его уговорить. Заморуев согласился с нами бежать. Совершение побега мы наметили на 6 сентября 1942 года, причем условились встретиться втроем на ж.д. линии между станцией Лесной и совхозом 5 лагпункта, откуда направиться в лес и держать маршрут на город Киров.

В назначенный день мы с Заморуевым явились в условленное место, но Сучков почему-то задержался и в условленное время не явился, поэтому мы с Заморуевым возвратились в мастерские и побег был отложен до 20 сентября. 20 сентября 1942 г. Сучков сообщил, что заготовленные им для побега продукты питания исчезли, поэтому побег из лагеря нам снова пришлось отложить.

После этого я стал обрабатывать на побег из лагеря местного жителя з/к Бажина Александра, работавшего в механических мастерских в качестве слесаря лекальщика. Бажин изъявил согласие бежать с нами из лагеря и в свою очередь предложил привлечь к побегу его приятеля фрезеровщика Михуткина Михаила. Я возражал против привлечения к побегу Михуткина, мотивируя это отсутствием у последнего пропуска, что приведет к быстрому обнаружению его побега военизированной охраной (заключенные, не имеющие пропусков, регулярно проверялись охраной - В.Б.), а следовательно и к провалу организуемого побега. Бажин не соглашался с моими доводами, а впоследствии он поставил непременным условием своего побега обязательное участие в нем Михуткина".

В общем, насколько можно судить, дальше разговоров и неудачных практических приготовлений дело не пошло. Оно вскоре умерло бы в памяти причастных к нему заключенных, отчетливо сознававших, что болтать об этом в лагере, наводненном доносчиками, смертельно опасно, если бы не Салмин. Панин был знаком с ним с конца 1941 года, вел довольно откровенные беседы о многом. "Поэтому, когда осенью 1942 г. он приехал в командировку на 5 л/пункт, я при встрече с ним сразу же информировал его о подготовленном мною групповом побеге из лагеря и предложил ему бежать вместе с нами. Салмин в беседе со мной наедине выразил свое согласие бежать из лагеря, однако вечером этого же дня, когда в помещении инструменталки мехмастерских собрались участники подготовлявшегося побега Заморуев, Бажин, Михуткин и я, Салмин стал возражать против простого побега, доказывая невозможность побега без оружия. Салмин заявил, что невооруженных беглецов может задержать всякий случайный стрелок охраны или любой активист населенного пункта. Поэтому Салмин предлагал совершить вооруженный побег, а оружие отобрать у стрелка охраны, несшего службу по охране механических мастерских, а также у стрелков, конвоировавших бригады заключенных мимо механических мастерских. На этом же совещании, развивая свою мысль дальше, Салмин выдвинул идею вооруженного восстания заключенных всего лагеря. При этом Салмин изложил следующий план восстания заключенных:

На 1 лагпункте подготовленные Салминым решительные люди из числа заключенных захватывают оружие в военизированной охране, ими освобождаются все заключенные этого лагпункта, прерывается телефонная связь с

другими подразделениями лагеря, захватывается ж.д. транспорт, на поездах повстанцы следуют на другие лагпункты, где, по мнению Салмина, к восстанию присоединяются все заключенные, восстание охватывает весь лагерь, на месте создается власть из восставших заключенных, а для борьбы против частей НКВД создаются соответствующие войсковые соединения из повстанцев. Излагая этот план, Салмин убеждал присутствовавших в том, что на 1 лагпункте им уже все подготовлено к восстанию. Я и За-моруев доказывали невозможность организации восстания в лагере, но Салмин настаивал на своем. В связи с такими разногласиями, на совещании к определенному решению мы не пришли.

После этого Салмин, приезжая в командировки на 5 лагпункт, в беседах со мной наедине пытался склонить меня на участие в восстании, и в одной из бесед по этому вопросу я высказал ему свое недовольство тем, что вместо действия мы много занимаемся разговорами, и заявил ему, что время кончать с разговорами и начинать действовать, а когда они начнут на 1 лагпункте и придут в 5 лагпункт, то мы к ним присоединимся.

В о п р о с: Склоняя Салмина на активные действия, вы имели в виду восстание?

О т в е т: Я имел в виду получить от Салмина определенный ответ - будет у них восстание или нет, а если оно будет, то когда именно, чтобы в день восстания воспользоваться замешательством администрации лагеря, совершить побег из лагеря в составе подготовленной мной группы.

В о п р о с: Вы дали Салмину согласие присоединиться к подготовлявшемуся им восстанию в момент, когда повстанцы прибывают на 5 лагпункт. Почему же вы сейчас скрываете свои повстанческие намерения?

О т в е т: Я говорил Салмину, чтобы он перестал заниматься разговорами и начинал действовать, но присоединяться к восстанию не обещал".

Следователям очень хотелось раздуть болтовню Салмина о восстании, как серьезный практический план большой тайной организации заключенных, где серым кардиналом - мозгом восстания - им виделся именно Панин. С целью дожать Панина с ним было проведено несколько очных ставок с сознавшимися во всем и расписавшими все, как надо следователям, одноподельцами. Вся механика и техника чекистской работы тех лет отчетливо проявилась на этом следствии. Панин писал на склоне лет в мемуарах: "Мои отказы отвечать на допросах привели к серии очных ставок, на которых тени людей, доведенных почти до состояния невменяемости, изобличали меня в выдуманных чекистами преступлениях. Я чувствовал себя на спектакле китайских силуэтов: тени людей, тени преступлений. Но так или иначе, на бумаге обвиняемый оказывался опутанным какой-то паутиной, невзирая на несогласие. Стряпня выглядела неубедительной и жалкой, но в тридцать седьмом такого материала хватило бы для расстрела целого лагпункта..."

В 1943 году с расстрелами полегчало. Не потому, что режим стал человечнее. А потому, что приток свежей рабсилы (воистину рабской) в лагеря сильно сократился по сравнению с мирным временем. А лагнаселение (официальный термин тех лет) сильно сокращалось из-за огромной смертности и отправки на фронт части неполитических заключенных. Производственный план между тем с лагерного начальства требовали жестоко. Подставлять свою голову никому не хотелось. Система была жестока и к своим и к чужим.

10 июля 1943 года была проведена очная ставка Панина с Салминым. В начале текста протокола идет трафаретная, но обязательная фраза, что оба подследственных "друг друга хорошо знают и в ссоре между собой не состояли". В первом же вопросе Салмину капитан Романенков четко дал ему главную установку этой очной ставки.

"В о п р о с С а л м и н у: На допросе 19 мая сего года вы показали об антисоветской деятельности сидящего здесь Панина Дмитрия Михайловича и о ваших поручениях ему по антисоветской повстанческой деятельности. Повторите свои показания в этой части.

О т в е т: Мои показания от 19 мая с/г в отношении Панина Дмитрия Михайловича я полностью подтверждаю и в его присутствии заявляю, что в конце 1941 и в начале 1942 г. он в беседах со мной неоднократно высказывал свое враждебное отношение к Советской власти. Панин считал, что постоянными спутниками Советской власти будут: недостаток продовольствия и недоедание населения, низкая производительность труда, отсталость в области науки и искусства. С Паниным мы весьма часто вели беседы на разные темы антисоветского характера, он неоднократно высказывал свои намерения о совершении побега из лагеря, склоняя меня совершить побег вместе с ним. Я же, создавая антисоветскую, повстанческую организацию в лагере, хотел во что бы то ни стало привлечь Панина для участия в восстании, изложил ему свои повстанческие взгляды на одном совещании повстанческой группы 5 лагпункта осенью 1942 года в присутствии Бажина, Заморюева и Михуткина. Я изложил подробный план организации восстания в лагере. Панин, в принципе, был согласен принять участие в восстании, но считал это дело более трудным и был за групповой побег из лагеря.

В октябре 1942 года я находился в командировке на лагпункте и перед своим отъездом по окончании командировки я встретился с Паниным около центральных механических мастерских. И в беседе с ним заявил, что руководство восстанием он должен взять на себя. Одновременно я дал ему указания, как практически организовать восстание, как расставить своих людей, чтобы обеспечить успех восстания. Я же обещал Панину после успешного восстания на 1 лагпункте захватить ж-д. состав и вместе с повстанцами приехать к нему на помощь. Панин не возражал против моего предложения, но поставил передо мной условие, чтобы я как можно больше набрал повстанцев на 1 лагпункте, чтобы можно было оказать ему (Панину) более эффективную помощь в случае организованного сопротивления на 5 лагпункте со стороны охраны и вольнонаемного состава лагеря. Здесь же Панин спросил у меня, кто будет возглавлять восстание в масштабе лагеря, причем он высказал отрицательное мнение о названном мной одним из руководителей восстания - Леймере Георгии Людвиговиче, как о человеке нерешительном и трусливом".

Панин подтвердил показания Салмина лишь в той части, "что в беседах со мной он действительно излагал свой план организации восстания в лагере и на 5 лагпункте. Бесед по этому вопросу у нас с ним было много и я допускаю, что он делал мне предложение возглавить восстание на 5 лагпункте, но оно мною принято не было, так как я настаивал на групповом побеге из лагеря и склонял на это Салмина".

Твердая, хорошо продуманная линия поведения Панина дала свои плоды, и Салмин вынужден был снять некоторые свои очень опасные утверждения. Это нашло отражение в протоколе очной ставки. Салмин вынужден был уточнить, что "совещание в механической мастерской происходило всего

один раз, поэтому правильнее будет записать не "на одном из совещаний", а просто "на совещании", и поскольку присутствовавшие на совещании лица повстанческой группы собой тогда еще не представляли, правильнее будет записать не "повстанческой группы", а просто "группы"..."

Панин, как прирожденный лидер, мог своим авторитетом повести за собой многих. На очной ставке Панина с А.М.Бажиным 11 июля 1943 года последний дал против него такие показания: "Сидящий здесь Панин Д.М. принадлежал к числу руководящего состава контрреволюционной повстанческой организации. Данный вывод я делаю потому, что он (Панин) проводил вербовку новых лиц в повстанческую организацию и неоднократно пытался вовлечь в нее лично меня. В начале октября 1942 года Панин вызвал меня к себе в кабинет по служебному делу (для проверки измерительных калибров)... Я ему ответил, что Салмин говорил со мною о повстанческой организации и о восстании в лагере... Панин говорил, что участники этой организации на всех лагерных пунктах, уговаривал меня примкнуть. Говорил, что намечено поднять вооруженное восстание одновременно на 1 и 5 лагерных пунктах, где повстанцы в первую очередь нападут на военизированную охрану, личный состав которой будет уничтожен. После захвата оружия повстанцы лагпункта возьмут в свои руки ж.д. транспорт и на паровозах двинутся на 5 лагпункт. По словам Панина, захватив телеграф, штаб охраны, оперчекистский отдел - далее действуют соответственно обстоятельствам. На второй или третий день после этого он говорил, что если вооруженное восстание не удастся, то придется бежать отсюда небольшой группой и я, как местный житель, принесу большую пользу в качестве проводника. Во время этой беседы Панин еще раз предупредил меня, что если эта тайна будет мной разглашена, то я буду убит". Панин в ответ подтвердил лишь то, что "изложил ему план восстания в лагере, но сам отрицательно относился к восстанию..." А "угроз с моей стороны не было. Бажина я неоднократно склонял на побег из лагеря и в этом принимал на себя ответственность в полной мере".

И эта очная ставка была, несомненно, выиграна Паниным. Во многом благодаря его твердости в отстаивании нюансов и смысловых оттенков слов, постороннему глазу этот пухлый трехтомник следствия представляется шитым белыми нитками, грубой и откровенной фальсификацией усердствующих лагерных чекистов, тоскующих по довоенным временам больших "вредительских" организаций и массовых расправ. Особое совещание при НКВД СССР дало на основании этой "стряпни" всем участникам заговора только по 5 лет. Следователи восприняли такой маленький срок, как личное оскорбление и добились пересмотра дела, получив для этого дополнительные показания Салмина и Сучкова (основных "романистов" следствия). В результате большинство из 28 подследственных (в том числе и Панин) получили новые десятилетние сроки. Лишь 5 из группы, даже и не слышавшие о побеге, получили 5-летние сроки. Только один из 28-ми умер в тюрьме. Это было даже странно, поскольку 11 месяцев следствия (с 19 марта 1943 года по 19 февраля 1944 года) все они провели в лагерных тюрьмах и изоляторах.

На допросах Панин действительно вел себя, судя по документам, очень спокойно и с большим достоинством, не раз переходя в наступление и не скрывая своего неприятия существующего режима. Так, на допросе 21 мая 1943 года ему был задан вопрос: "Следствию известно, что по своим политическим убеждениям вы являетесь монархистом. Подтверждаете ли вы

это?

О т в е т: Каких-либо законченных убеждений в этой части у меня не имеется, но иногда в своих рассуждениях я склонялся к монархизму, ибо считал, что Русское государство было бы наиболее устроенным, жизнь людей наиболее стабильной именно при монархическом строе. Я отрицательно относился к Советскому строю и в антисоветском духе высказывался об отдельных мероприятиях Советской власти. Мои конкретные высказывания в этой части я припомнить не могу.

В о п р о с: До вашего заключения в лагерь вы проживали в гор.Москве. К какой монархической организации вы принадлежали там?

О т в е т: В Москве я к ни к какой монархической организации не принадлежал".

Даже по неполным, частичным записям протоколов мы отчетливо видим, что вятлаговские чекисты схватку с Паниным проиграли.

В тяжелейших испытаниях тюрьмы и следствия, дистрофии и голода он проявил себя настоящим лагерным зубром и вожаком, спасшим своих товарищей от расстрельной статьи. Отмечу, что духовных сил на то, чтобы продержаться, надо было очень много. Протокол допроса Панина 21 мая 1943 года состоит из двух (!) неполных машинописных страничек. Но в начале протокола мы читаем: "Допрос начат в 9 часов. Закончен в 18 часов". Таким образом, здесь лишь ничтожная часть говоренного. Какую паутину хитросплетения и лжи могли здесь нагромоздить чекисты, изолируя заключенных друг от друга, играя с ними в кошки-мышки?! Панин предпочел играть в свою игру. И именно это было настоящим восстанием Дмитрия Панина против гулаговской системы. Восстанием, в отличие от мифического проекта, инкриминируемого ему в вину, выигранным Паниным.

Внутренняя свобода, поразившая Солженицына в Сологдине, была приобретена тяжким и мучительным переосмыслением лагерного опыта. Человек даже в лагере может стать внутренне свободным. Именно в этом заключается оправдание Сологдина. Дух может одолеть даже сверхмощную систему насилия и террора. Отправленный после следствия и тюрьмы умирать в барак, Панин чудом выжил и воскрес почти из мертвых; но чудо было в нем самом - его дух. Вся последующая деятельность глубоко верующего блестящего мыслителя Дмитрия Михайловича Панина опиралась на эту самостоятельно обретенную им духовную основу.

Д о к у м е н т а л ь н о е п р и л о ж е н и е .

Д о к у м е н т № 13.

Н О Р М А

выдачи хлеба в исправительно-трудовых лагерях и колониях
НКВД СССР

Выдача хлеба заключенным производится (на 1 человека в день в граммах):

а) % выработки производственных норм	Количество выдаваемого хлеба	
	На основных тяжелых работах	На остальных основных работах
Вырабатывающие до 50 %	400	300

Вырабатывающие от 50 до 80 %	500	400
Вырабатывающие от 80 до 180 %	600	500
Вырабатывающие от 100 до 125 %	700	600
Вырабатывающие от 125 % и выше	800	700

б) Заключенным-рекордистам при выполнении производственных норм от 200 % и выше, на основных тяжелых работах - 900 граммов, на основных остальных работах - 800 граммов.

в) Заключенным, занятым на вспомогательных работах и хозобслуге на нормированных работах:

вырабатывающие до 50 % установ. норм	300 граммов
- " - от 50 до 80 % установ. норм	350 граммов
- " - от 80 до 100 % установ. норм	400 граммов
- " - от 100 до 130 % установ. норм	500 граммов
- " - от 130 и выше установ. норм	600 граммов

г) Бригадирам и десятникам (освобожденным) при выполнении производственных заданий в руководимых ими бригадах свыше 100 % - 700 гр.

д) Заключенным, находящимся в оздоровительно-профилактических пунктах - 600 граммов <...>

з) Административному персоналу, в том числе: счетно-бухгалтерскому, средне-медицинскому персоналу, культпросветработникам, складским работникам, хозобслуге, подсобной рабочей силе на основных ненормированных работах - 500 граммов.

и) Инвалидам не работающим, а также заключенным, находящимся под следствием - 400 граммов.

Зам.нач.ГУЛАГа НКВД Союза ССР

капитан Госбезопасности /Усиевич/

Согласен: Нач.ГУЛАГа НКВД Союза ССР

ст. майор Госбезопасности /Наседкин/

Документ N 14.

" " октября 1941 г.

Норма N 5

штрафного пайка для довольствия заключенных

в исправительно-трудовых лагерях и колониях

НКВД СССР

(на 1 человека в день в граммах)

Наименование продуктов	Колич.	Примечание
1. Хлеб ржаной	300	
2. Мука подболточная	5	
3. Крупа - макароны	20	
4. Рыба рыбопродукты	25	
5. Жиры	3	
6. Картофель - овощи	250	
7. Соль	7	

По означенной норме довольствуются:

а) заключенные, отказывающиеся от работы.

б) симулянты, не вырабатывающие производственных заданий, при наличии справки об этом медперсонала.

в) заключенные, находящиеся в штрафных изоляторах без вывода на работу.

Примечания: 1. Заключенным, содержащимся в карцерах, выдается 300

граммов хлеба в сутки и кипятков, и один раз в три дня жидкая горячая пища по норме N 5.

2. При выводе на работу заключенных, содержащихся в штрафных изоляторах, таковые довольствие получают по фактической выработке.

Зам.нач.ГУЛАГа НКВД Союза ССР

капитан Госбезопасности

/Усиевич/

Согласен: Нач.ГУЛАГа НКВД Союза ССР

ст. майор Госбезопасности

/Наседкин/

в/ Расцвет ГУЛАГа (1946 - 1953 годы)

Заключенные Страны Советов и до войны - в 1930-е годы - не представляли реальной опасности для режима. Вместе с тем, нарочито создаваемые и методично поддерживаемые тяжелейшие условия содержания, жизни и быта лагерного "контингента" свидетельствуют, в частности, и о том, что власти постоянно испытывали если и не страх, то вполне определенное (и небезосновательное) беспокойство по поводу пределов "лояльности" узников тюрем и лагерей, как, впрочем, и всего остального "собственного" народа. Сразу после войны все "режимные гайки" в ИТЛ закручиваются до предела. Однако ситуация в лагерях (по целому ряду причин) становится все менее управляемой. В значительной степени послевоенный приток в гулаговские узилища состоял из военнопленных-красноармейцев, перемещенных "прямохонько" из нацистских "кацетов" в "родные советские лагеря", а также вывезенных из Центральной и Западной Европы оказавшихся там (в силу разных обстоятельств) советских граждан (одни - угодили под фашистскую "трудмобилизацию", другие - сотрудничали с оккупантами и вместе с ними ушли за границу).

Вспоминает Петр Федотович Лешенко, в молодости - машинист паровоза в Бресте, а затем - учитель одной из вятлаговских ШРМ:

"Судьба! По всему пути в 2.000 километров от Красноярска до Дудинки растянулись зоны гулаговского "Архипелага": его "учреждения" (К-100 и т.п.) распустили свои щупальцы по обоим берегам Енисея, его притокам - Ангаре и другим. Вот теперь-то стало ясно, куда деваются пассажиры прибывающих ежедневно (по 2 раза в сутки) поездов "Берлин-Брест". Восемь лет (с 1947-го года) я жил в Бресте и видел "процесс перегрузки" людей из узкоколейных (по европейскому стандарту) вагонов-"столыпиных" в наши советские ширококолейные "телятники-красухи". Казалось, что всю Германию арестовали и вывозят к нам, в СССР. Причем, очень часто видел, как два наших амбала-держиморды волокут (да-да! - именно волокут!) какого-нибудь еле живого старика, схватив его под мышки: конвоиры идут и довольно резво, а их жертва ног не переставляет - отнялись, безжизненно волокутся ноги... Думалось, что весь Союз уже заполнен лагерями, ан нет: "мест отдаленных" - и по Енисею, и по Лене, и далее в Сибири - хватает без счета и без меры... Видал, как перегружали два вагона с женщинами, ушедшими с отступающими немцами в Германию и там арестованными: через грудь и спину наискось у них были черные ленты с белой надписью "За измену Родине и мужу". Рассказывал мне Виктор Р. на "Волнушке" (таежном лагпункте) о женских зонах для "власовок" (так их звали в лагерях) в Казахстане. Говорил Виктор, что их всех стерилизовали - всех до единой...

Здесь же, в Бресте, однажды среди бела дня вели колонну (то ли власовцев, то ли казаков) из тюрьмы на вокзал - в особом "оформлении": по всей длине колонны и поперек нее протянуты цепи, проходившие через наручники всех конвоируемых, то есть каждый узник шел как бы со всех сторон окруженный цепью. Улица от тюрьмы до вокзала прямая, охранников вокруг колонны больше, чем зэков, да еще десяток овчарок с ними... К чему такая "демонстрация силы" НКВД? Кого хотели этим утратить?.. При выходе на главную улицу колонна запела какую-то песню. Что за песня? - никогда ни до, ни после ее не слышал... Ни крики конвоя, ни стрельба вверх не смогли заглушить эту песню, и пели ее узники на всем пути - "от и до"... Что это были за люди - не знаю, но по их одежде можно было понять, что отнюдь не "простые сошки". В лагерной России для всех нашлось место - и для "винтиков" и для "винтов". Каторжная Русь - она ведь необъятная, и барачников в ней хватало (и хватит) с избытком..."

Сотнями тысяч "пошли" после войны в лагеря и так называемые "повторники", то есть люди, уже когда-либо отсидевшие: как правило, это были политзаключенные - "контрики", "58-я статья". Их направляли на отдельные или специальные лагпункты с более строгим режимом и до предела (даже по гулаговским меркам) ограничивали в правах. Отбывших свой "срок наказания" либо оставляли в тех же самых лагерях "до особого распоряжения", либо отправляли в ссылку в "места, еще более отдаленные", - в Сибирь и на Крайний Север. Таким нехитрым способом, по замыслу властей, предполагалось (в том числе - репрессиями за "контрреволюционные преступления") обеспечить максимально полную изоляцию "инакомыслящих" или даже склонных к "инакомыслию" от общественной и политической жизни страны.

Между тем уголовники в лагерях совершенно обнаглели, особенно - после Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 года об отмене смертной казни. В зонах начался настоящий уголовный террор, породивший свирепые междоусобицы между воровскими группировками разных "мастей". Государство же своими мерами (излюбленная из них - Указы Президиума Верховного Совета) загоняло под стражу все новые и новые сотни тысяч людей. Два совершенно беспрецедентных таких Указа от 4 июня 1947 года: "Об усилении уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества" и "Об усилении уголовной ответственности за хищение личного имущества граждан" - дали ГУЛАГу пополнение и "задел контингента" на много лет вперед.

В разоренной и нищей стране, где государство присвоило себе все, - эти Указы означали тотальный террор против всех работающих граждан. Даже репрессии 1936-1938 годов дали меньше заключенных лагерной империи, чем два названных Указа. Отметим, что осуждавшиеся в соответствии с ними люди проходили по гулаговской статистике как уголовники (то есть - не политзаключенные), хотя, подобно осужденным по Закону "о колосках" 1932 года (печально известные "семь восьмых"), а также по другим столь же варварским "законодательным актам", на самом деле конечно же "уголовным элементом" не являлись. Власть изошренно "изобретала" новые категории зэков с той целью, чтобы ГУЛАГ "не безлюдел".

Бывший заключенный П.Л. так рассуждает по этому поводу:

"Проследив историю существования советских тюрем и лагерей, четко прослеживается цепочка, состоящая из "контриков", "белых", "нэпманов", "кулаков", "подкулачников", "врагов народа", "изменников", "власовцев", узников 1947-го и 1949-го годов и т.д. Все эти "разряды" соответствуют определенному периоду 70-летней каторги советского народа. Каждый период отличался своим "пиком" и спадом, но есть (только один) "безволновый" - это период после Указа 1947 года. Он является "ведущим" среди всех остальных. Даже репрессии 1930-1934 годов - ничто по сравнению с послевоенными Указами о хищении социалистической собственности (обратите внимание - "хищение", а не "воровство"). Если всех, упрятанных в ГУЛАГ за "хищения", назвать ворами, то поистине окажется, что Россия - страна воров, несунув, хапуг. А кто же, спрашивается, подготовил почву для такого "расцвета" воровства? К примеру, у меня случайно разбилось стекло в квартире - где его взять? Нигде в округе оно не продается - что делать? Тут два варианта: или выставить стекло у соседа, или (что более приемлемо) - идти на стройку (а в поселке всегда что-нибудь да строится) и просить стекольщика (либо сторожа) украсть и отдать кусок стекла за бутылку-две (в зависимости от размера). Тот крадет, несет и "магарыч" берет... А в результате - мы оба можем попасть на лагерные нары."

Ужесточающие карательный режим меры властей "сыпались, как из рога изобилия". С 17 апреля 1943 года, например, в стране (опять-таки Указом Президиума Верховного Совета) введена каторга в "отношении немецко-фашистских злодеев, шпионов, изменников Родины". Режим для этой категории лагнаселения устанавливался гораздо более суровый: усиливался надзор, на час удлинялся рабочий день, сокращался один выходной день в месяц. Основная часть каторжан - политзаключенные: на 1 сентября 1945 года их на каторге 57.000 человек, а уголовников - лишь 3.000 человек. Более 21.000 каторжников - инвалиды и "слабосилка", годные лишь к легкому труду. Для сравнения: в 1916 году на "царской" каторге в России значилось 28.600 человек.

В 1948 году всех политзаключенных в очередной раз "перетряхивают" и часть из них отправляют во вновь созданные "особлаги" - лагеря особого режима. Поскольку руководство ГУЛАГа в центре и на местах уже не могло справиться с засильем уголовников, для них с 1948 года учреждаются отдельные лагпункты (ОЛПы) строгого режима. Однако (и закономерно) они вскоре становятся совершенно неуправляемыми. Доходило до того, что лагадминистрация просто боялась в них появляться. В апреле 1951 года министр внутренних дел С.Круглов приказал дела об убийствах или покушениях на жизнь сотрудников ИТЛ передавать на рассмотрение военных трибуналов, которым предписывалось "привлекать" совершивших эти уголовные преступления по "политической" статье - 58-8 (террор) с назначением "высшей меры наказания"-расстрела (подчеркнем, что убийств заключенными своих солагерников это не касалось). 13 января 1953 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР "О мерах по усилению борьбы с особо злостными проявлениями бандитизма среди заключенных в ИТЛ". Но "социально близкие" (то есть уголовный мир) уже "повалили" Советскую власть в лагерях и отдавать свое "верховенство" не собирались. ГУЛАГ стал неуправляемым изнутри. О перипетиях этой борьбы за власть в лаге-

рях повествуется в 6-й главе книги.

Вернемся, однако, к первым послевоенным годам. Без такой мощной экономической опоры режима, как ГУЛАГ, сталинское руководство не мыслило восстановления "народного хозяйства" страны, выполнения "плана 4-ой пятилетки". Это было время, когда ГУЛАГ вновь стали "закармливать" дармовой и бесправной "рабсилой". В полной мере это относится и к Вятлагу.

По "Докладной записке о состоянии Вятского ИТЛ на 1947 год" мы отчетливо можем представить его структуру. Лагерь дислоцируется в 350 километрах от областного центра (города Кирова) и в 52 километрах - от райцентра (села Кай). Управлению ИТЛ подчинено 15 отдельных лагпунктов (ОЛПов), 5 лагпунктов и 6 подкомандировок - всего 26 лагподразделений. Из них: лесозаготовительных - 11, деревоперерабатывающих (в том числе - новое веяние - производящих ширпотреб) - 3, сельскохозяйственных - 7, больничных (так называемых "сангородков") - 2. Главное производство для лагеря - лесопромышленное (заготовка древесины, ее первичная переработка и отгрузка-отправка по железной дороге). На 1 января 1947 года в Вятлаге содержится: заключенных - 16.499; военнопленных - 2.793 (немцы, австрийцы, румыны, венгры, итальянцы, размещены и трудоустроены отдельно от заключенных); спецпоселенцев - 1.612; всего - 20.904 человека. За 1947 год в лагерь прибыли 13.775 заключенных, убыли - 9.549 человек (заключенных - 5.437, военнопленных - 2.793, спецпоселенцев - 1.319). Как видим, значительная убыль "контингента" с избытком перекрывается еще более "весомым" его новым поступлением: на 1 января 1948 года списочный состав "лагнаселения" достигает уже 25.130 человек (24.837 заключенных и 293 спецпоселенца). Вместе с тем, как свидетельствуют те же учетные данные, за 1947 год лагерный "контингент" обновился почти на две трети. Иными словами: ГУЛАГ становится "проходным двором". С людьми "не церемонились", и физическое состояние вновь прибывшего из тюрем и других ИТЛ пополнения было, мягко говоря, "неважным". Лагерному "основному производству" требовались "исполнители программы", пригодные к тяжелому физическому труду и, в первую очередь, на лесоповале, а таковых в новом пополнении значилось всего лишь 1,7 (!) процента. Остальной вновь прибывший в лагерь "люди" (с "производственной" точки зрения) представлял собой картину удручающую: годные к физическому труду средней тяжести - 23,6 процента; пригодные к легкому физическому труду - 52 процента; годные к легкому индивидуальному труду - 12,4 процента; инвалиды, вообще непригодные к физическому труду, - 10,4 процента. Физические силы нации истощены тяжелейшей войной и голодом 1946-1947 годов, а, кроме того, и тюремный режим "здоровья не добавлял"... Отметим также, что примерно 20 процентов лагерного пополнения составляли уроженцы южных регионов страны. "Южане", как сетуют вятлаговские начальники, "тяжело переносят суровый климат севера". Этот "контингент" (по той же оценке) "является нестойким, быстро слабеет, деградирует и теряет трудоспособность". Гибель его представляется руководству Вятлага "неизбежной".

Конечно, были в 1947 году и те, кому повезло освободиться из лагеря: таких насчитывается 3.971 человек. Основная их часть "выпущена на свободу" в связи с окончанием срока наказания, однако 500 человек -

это "активированные" больные и инвалиды, которых просто "списали" из лагеря, чтобы они своей "неизбежной" гибелью не "портили" отчетную статистику.

Приведем еще несколько данных к демографической характеристике вятлаговского "контингента" (по состоянию на 1 января 1948 года). В общем числе заключенных (24.837 человек) наличествует: мужчин - 19.367, женщин - 5.470. Годных к труду на производстве (тяжелому, среднему и легкому) - около 60 процентов от всего состава "контингента" (учтем при этом, что 36 процентов из них пригодны именно к легкому труду). Вятлаг, как и другие лагеря страны, переполнен инвалидами: их 28,6 процента (то есть более четверти) от всех заключенных. Это, как правило, "оконченные" доходяги, полностью не способные трудиться и обреченные на смерть (чаще всего - скорую). А на их место приходили другие бедолаги - лагерный "конвейер" по "производству" и "утилизации" инвалидов "работал" бесперебойно...

Крайне интересен и важен для нас "постатейный" срез "лагнаселения", его уголовно-криминальные характеристики. Они убеждают, прежде всего, в том, что уголовников-профессионалов ("воров", "блатных" и близких к ним категорий-"мастей"), столь "грозных" для администрации и других заключенных, в Вятлаге образца 1947 года, в общем-то, не так уж и много - 868 человек. Более детальный анализ постатейного состава заключенных, содержащихся в Вятском ИТЛ на 1 марта 1948 года, приведен в нижеследующей таблице (Д о к у м е н т N 15), в начале которой перечисляются "политические" составы обвинений, затем - общеуголовные, по мере "снижения" их "тяжести"):

Составы обвинений	Общее число заключенных	Процент
1. За измену Родине, террор и террористические намерения	4.332	17,4
2. За контрреволюцию, саботаж и вредительство	1.790	7,0
3. За участие в антисоветских заговорах	840	3,5
4. За политбандитизм	363	1,5
5. За антисоветскую агитацию	2.068	8,0
6. За прочие контрреволюционные преступления	278	1,1
Итого осужденных за контрреволюционную деятельность	9.619	38,5
7. За вооруженный разбой и бандитизм	2.026	8,0
8. Воры-рецидивисты	868	3,5
9. Имущественные преступления ст.162-178	3.390	13,5
10. Скотокрады	390	1,5
11. Военские преступления	1.058	4,0
12. По Закону от 7.08.1932 г.	1.008	4,0
13. За должностные хозяйств. преступления	1.347	5,5
14. По Указу от 26.12.1941 г.	832	3,5
15. По Указу от 4.06.1947 г.	2.192	8,5

16. Прочие преступления	2.112	8,0
Итого осужденных за уголовные преступления	15.218	61,8

Что представляла собой в этот период жилищно-бытовая "инфраструктура" Вятлага? Для ответа на этот вопрос вновь обратимся к докладной о состоянии Вятского ИТЛ за 1947 год. Итак, в лагере имелось в то время: жилых бараков - 177, кухонь - 24, столовых - 19, пекарен - 22, стационарных лечебных помещений - 55, дезокамер - 23. Жилая площадь бараков составляла 33.000 кв. метров, то есть на одного заключенного ее приходилось 1,5 кв. метра (при среднегулаговской норме - 2 "квадрата"). Такая "уплотненность" являлась (помимо всего прочего) следствием значительного превышения лимита наполняемости лагеря ("лимита мест" в нем): плановый норматив - 17.740, фактическое наличие - почти 25.000 заключенных. Вятлаг переполнен почти в полтора раза, и такое положение было тогда характерным для всех без исключения лагерей страны.

Баракы в зонах оборудованы нарами вагонной системы и сушилками для одежды (последнее для работающих на лесоповале было жизненно необходимым). В 1948 году планировалось построить еще 4.000 кв. метров лагерной "жилой площади". Сооруженные авральным методом баракы быстро ветшали - их необходимо было постоянно ремонтировать, но руки до этого, как правило, не доходили. Здания каркасного типа (постройки 1938-1939 годов) совершенно обветшали и прохудились: при нередких в зимнюю пору 40-градусных морозах не заболеть, находясь в этих лагерных "апартаментах", было мудрено.

Что касается интендантского обеспечения, то хлебопродукты и крупяные изделия Вятлаг (по нарядам Управления снабжения ГУЛАГа) получал в 1947 году бесперебойно, а вот вместо жиров (по указанию сверху) в рацион заключенных включили жмых. Калорийность пищи крайне низка. К тому же, продовольствие для лагерников завозилось неравномерно, так что крупы порой приходилось заменять овощами, мясо - рыбой и так далее (все это, разумеется, в сторону удешевления, а значит - ухудшения).

Вещевого довольствия, то есть одежды для заключенных, тоже явно недостаточно. Так, обеспеченность "контингента" на 1 января 1948 года составляла (к нормативной потребности): телогрейками - на 66 процентов, валенками - на 60, обувью летней - на 45, одеялами - на 62, простынями - на 14, матрацами - на 41, платьями женскими - на 27 процентов. И улучшения не предвиделось: все было тотально централизовано и расписано на годы вперед - ни одна наволочка без наряда ГУЛАГа в Вятлаг попасть не могла.

Медико-санитарное состояние лагеря оценивалось вятлаговским руководством как сложное, поскольку (цитируем "Докладную записку...") "острый недостаток вещевого довольствия (половина заключенных раздета и разута - В.Б.) в течение всего 1947 года вызвал рост деградации лагерного населения и понижение его физического профиля". То есть, другими словами, даже прежде здоровые заключенные (коих, как мы знаем, среди вновь прибывших в Вятлаг имелось не так уж и много) в "спартанских" лагерных условиях самым ускоренным образом превращались в недужных до-

ходяг. Выражаясь людоедским канцеляритом ГУЛАГа, "забалансовый контингент заключенных" на 1 марта 1947 года насчитывал 4.089 человек - это инвалиды, непригодные к какому-либо труду. Ясно, что они "тянут лагерную статистику назад" и руководство Вятлага стремится любыми путями избавиться от этой "обузы" - ведь и без того при плане "основного производства", рассчитанном на 17.500 полноценных работников, фактически их имелось в лагере лишь 15.606 человек (90 процентов), да и те - "ухудшенного качества".

Вследствие высокой заболеваемости "рабсилы" соответственно велики и потери рабочего времени: в течение всего 1947 года ежемесячно признавались больными (помещались на стационарное лечение либо амбулаторно "обслуживались" лагпунктовскими "эскулапами") от 6,0 до 7,5 процента заключенных (и есть все основания полагать, что реальное число больных гораздо более значительно). Наивысший уровень заболеваемости приходится на март, наиболее низкий - на сентябрь-октябрь. За 1947 год в лагере умерли 490 заключенных, из них от болезней - 391, в том числе от туберкулеза - 181, от дистрофии - 22, от воспаления легких - 57, от сердечно-сосудистых заболеваний - 64, от бытовых травм - 35, от производственных травм - 20 человек.

Завершим повествование о лагерном населении Вятского ИТЛ 1947 года еще несколькими немаловажными сведениями:

Расконвоированных заключенных в лагере - около 3.000 человек (11,7 процента общего списочного состава): это (в основном) "бытовики" (1.661 человек), а также "политические" с относительно "легкими" статьями (58-10, 58-11) - 554 человека. По данным на конец года, выполняют и перевыполняют производственные нормы 64 процента от общего числа работающих заключенных, не выполняют норм - соответственно 36 процентов. Зафиксировано за тот же год 4.612 случаев отказов от выхода на работу. Это - крайне болезненная проблема для лагерной администрации: за такие "ЧП" с нее "строго спрашивали", и не без оснований: ведь производственный план Вятлага после войны увеличен (и существенно) - если задание по заготовке леса составляло в 1946 году 900.000 кубометров, то на 1947 год его "нарастили" до 1.190.000 кубометров. Отсюда - жесткие и систематические "накачки" за "нерациональное и неэффективное использование рабочей силы" (на фоне, впрочем, как мы можем заключить из предыдущего анализа, совершенно варварского к той же "рабсиле" отношения).

Рассказ о Вятлаге 1947 года, конечно же, был бы неполон без сведений (хотя бы кратких) о его вольнонаемном персонале.

Начнем с военизированной охраны лагеря. В ней к началу 1948 года служат 682 человека. Среди них 47 офицеров, а также 14 сержантов, занимающих офицерские должности. Самоохрана (из числа заключенных) составляет 717 человек. Вакантными по должностям личного состава ВОХР остаются 188 штатных единиц (и это дает повод для заключения, что дела с комплектованием службы охраны в Вятлаге обстоят "туго"). Посему лагерное начальство проявляет об охранниках особую заботу, применяя к ним "различные формы морального и материального стимулирования". Вольнонаемных стрелков охраны награждают (в основном) за пресечение и ликвидацию побегов: помимо благодарности, могут премировать часами, суконным

отрезом или каким-то другим "ценным подарком". В вятлаговский дом отдыха на реке Каме направлены (в порядке поощрения) в 1947 году 53 сотрудника ВОХР. Начальство "уделяет внимание" и бытовым нуждам подчиненных: учитывая, что 378 стрелков и командиров охраны имеют семьи, лагерная администрация выделила им по 10 соток земли под посадку картофеля. Впрочем, взыскания, наложенные на охранников за дисциплинарные проступки, не менее разнообразны. Вчитаемся в отчет за 1947 год:

"Капитан Барышников 30/V-47 г., при ликвидации вооруженного побега проявил трусость, в результате этого не выполнил порученного ему задания, за что был понижен до должности командира взвода.

Надзиратель 3 ОЛП Лапин А.Я. за связь с заключенными и нарушение революционной законности уволен из органов МВД.

Инструктор СРС (служебно-розыскных собак - В.Б.) старшина Упадышев М.П. при ликвидации вооруженного побега расстрелял 4-х преступников при наличии закона об отмене смертной казни в СССР, за что и приговорен к 9-ти годам ИТЛ.

Ст. надзиратель 15 ОЛП Осокин П.Т. имел интимную связь с заключенной женщиной, за что был арестован на 5 суток.

Командир взвода мл. лейтенант Майборода за систематическую пьянку, хулиганство, плохую работу с личным составом взвода уволен из органов МВД за невозможностью дальнейшего использования.

Стрелок Онегов А.П. за опоздание из очередного отпуска без уважительных причин был арестован на 20 суток".

Как видим, нравственно-психологическая атмосфера в подразделениях ВОХР была отнюдь не на "высоте предъявляемых требований" (хотя и сами эти требования зачастую имели лишь формальный, начетнический, двусмысленный характер).

Разумеется, военизированная охрана являлась важной, но лишь одной из составных частей всего лагерного персонала. А его штаты в послевоенные годы заметно "раздулись". На 1 января 1947 года Вятлагу полагалось по штатному расписанию уже 4.710 единиц вольнонаемного состава. Фактически замещена лишь 2.381 должность, а некомплект "перекрывается" апробированным способом - из бездонных резервуаров "контингента", среди которого имеются люди самых разных специальностей, в том числе и тех, что на лесоповале не требуются. Так, 1.463 недоукомплектованных должности вольнонаемного персонала замещены спецпоселенцами (значительная часть из них - этнические немцы, прекрасные работники). Заключенными "перекрыты" 678 вакансий по административным и хозяйственным должностям. Однако и такими "неординарными" мерами залатать все бреши в "кадровом обеспечении" лагеря не удастся: популярность службы здесь в послевоенные годы еще более падает и набрать на нее "добровольцев" становится делом очень непростым...

* * *

В октябре 1949 года зафиксирован "пик" наполняемости Вятлага - 28.000 заключенных: видимо, на "Большой Земле" так широко "раскинули сети", что и без того переполненный ГУЛАГ начинал "трещать по всем швам"...

Между тем, сталинская эпоха медленно, но неудержимо шла к своему завершению. На рубеже 1953-1954 годов ГУЛАГ уже находился в преддверии

глубокого системного кризиса - "пик расцвета" позади, дальше идти некуда...

Подробному анализу этого периода посвящена 6-я глава книги, а пока обозначим лишь общие контуры облика Вятлага тех лет.

По состоянию на 10 марта 1954 года в лагере содержатся 21.935 заключенных, из них мужчин - 19.811, женщин - 2.124. Как видим, число женщин значительно уменьшилось, и это вполне объяснимо - на лесоповале требовалась мужская рабсила, ее и "поставляли" в ИТЛ. Инвалидов в лагере - 2.058 человек (по сравнению с "черными" голодными временами конца 40-х годов - это, по гулаговским "эталонам", вполне "приемлемая" цифра).

Какова постатейная характеристика тогдашнего вятлаговского "контингента"? Ответ на этот вопрос находим в общелагерном отчете за 1953 год (Д о к у м е н т N 16, данные по состоянию на 10 марта 1954 года):

Составы обвинений	Общее число заключенных
1. За контрреволюционные преступления	5.500
2. За побег по ст. 58 п. 14	290
3. За бандитизм, разбой, грабежи и умышленные убийства	2.536
4. По Указу от 4.06.1947 г. "Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества"	5.894
5. По тому же Указу "Об усилению охраны личной собственности граждан"	5.266
6. По Закону от 7.08.1932 г. ("О колосках")	191
7. По другим статьям	2.258

Прежде всего отметим определенное сокращение численности политзаключенных (репрессированных по статьям 58 и 59 действовавшего тогда Уголовного кодекса РСФСР и аналогичным статьям уголовного законодательства других союзных республик), а также то обстоятельство, что основными "кормильцами" ГУЛАГа в это время являются два Указа ПВС СССР от 4 июня 1947 года (в просторечии - "четыре шестых"). Антикрестьянский Закон от 7 августа 1932 года ("о колосках" или "семь восьмых") еще действовал, но число репрессированных по его "установкам" и оставшихся в живых заключенных сравнительно невелико: кровавая жатва на этом "поле" уже позади - сотни тысяч российских землеробов "прошли" по этому людоедскому "закону" в лагеря и в небытие в предшествующие 1930-е - 1940-е годы...

Теперь рассмотрим состав "контингента" Вятлага по длительности сроков заключения (эти, как и последующие в данной подглаве, показатели приводятся по состоянию на 10 марта 1954 года):

Продолжительность сроков заключения	Число заключенных
-------------------------------------	-------------------

от 1 года до 3 лет	1.069
от 3 до 5 лет	4.961
от 5 до 10 лет	10.304
от 10 до 15 лет	1.057
от 15 до 20 лет	1.085
свыше 20 лет	3.439

Таким образом, основная масса лагерников имеет сроки заключения продолжительностью от 5 до 10 лет. А поскольку "десятка" была тогда своеобразным гулаговским "стандартом", можно с уверенностью предположить, что группа "обладателей" именно такой "меры наказания" наиболее многочисленна. Впрочем, в конце 40-х годов советские судебные и внесудебные органы "помалу не давали" - из опасения перед обвинением в "попустительстве врагам Родины" старались по всем вариантам обвинений "паять" максимальные сроки "исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ)". Свидетельство тому - значительная величина группы "большесрочников" - приговоренных к 20-ти и более годам лишения свободы. На "излете" сталинщины "пошла волна" осуждения на 25 лет да еще с "плюсом" - последующим поражением в гражданских правах...

Внимательно исследуем и возрастной состав заключенных:

В о з р а с т	Число заключенных
от 18 до 25 лет	7.867
от 25 до 30 лет	7.625
от 35 до 45 лет	4.188
от 45 до 50 лет	1.340
от 50 до 60 лет	844
свыше 60 лет	71

Итак, преобладающая часть заключенных - это молодые (в возрасте до 35 лет) мужчины, в расцвете своих физических сил, что как раз и требуется в лесном лагере. Число лагерников в возрасте от 35 до 45 лет сравнительно невелико, а старше 50 лет - вообще ничтожно. Причина, думается, проста: людям в этом возрасте (в силу психофизиологических его особенностей) гораздо сложнее адаптироваться к условиям лагерного "бытия". В обстановке постоянной полуживотной борьбы за выживание они (нестарые еще люди) быстрее "выматывались", физически и нравственно истощались, "доходили до ручки" и погибали...

Еще один ракурс нашего взгляда на проблему: попробуем статистически определить, как использовалась в Вятлаге квалифицированная рабочая сила, в избытке поступавшая туда из всех "градов и весей" необъятной страны "Советов". Для этого обратимся к нижеследующим данным:

Всего в наличии специалистов
и квалифицированной рабочей силы 4.433 чел.

Используются:

а) Инженеры всех специальностей	83 чел.
из них по прямой специальности	51 чел.
на общих работах	16 чел.
больных	6 чел.

б) Техники всех специальностей	127 чел.
из них по прямой специальности и близких к ней	83 чел.
на общих работах	43 чел.
больных	1 чел.
в) Бухгалтерско-оперативный учет	409 чел.
из них по прямой и близкой специальности	262 чел.
на общих работах	140 чел.
больных	7 чел.
г) Другие специальности	3.648 чел.
на прямых и близких к ним	1.559 чел.
на общих работах	1.907 чел.
больных	182 чел.

Подведем итог: в значительных количествах лагерю нужны были лишь инженеры, техники и счетно-бухгалтерские работники (и это понятно - хозяйство-то очень большое), но даже их использовали не более чем на 2/3 от имеющегося потенциала. Специалисты же других профессий в основном "тянули лямку" на общих работах: а ведь на их образование и обучение государство в свое время затратило немалые средства - и вот теперь все это с безумной легкостью "выбрасывается на ветер" (заодно с искореженными человеческими судьбами и загубленными жизнями). Заметим также, что 4/5 лагнаселения составляют люди, вообще не имеющие какой-либо специальности и квалификации: можно предположить, что это и есть так называемая "рабоче-крестьянская масса". В целом же состав лагнаселения зеркально (хотя и с известной степенью "кривизны") отражает социальную структуру советского общества: ведь "выдергивали" в лагерь людей из всех его слоев, стараясь даже соблюдать при этом некие количественные пропорции (как и принимая в партию, между прочим).

Посмотрим далее и на то, как подразделялся вятлаговский "контингент" по предполагаемым срокам освобождения:

Год предполагаемого освобождения	Число заключенных
1954	1.686
1955	2.642
1956	2.950
Последующие годы	14.657

Резюмируем: подавляющему большинству узников Вятлага (глядя на вещи с "позиций" марта 1954 года) еще "сидеть да сидеть", а лагерю тем самым гарантирована перспектива обеспеченности рабочей силой на годы и годы вперед...

Между тем, Вятлаг живет общей со всей Советской страной жизнью: голосуют на очередных "всенародных" выборах (только вольнонаемные, конечно, и, разумеется, при полном "единодушии" и "100-процентной явке"), проводят праздничные демонстрации, организуют подписку на Госзаем (150 процентов к месячной зарплате), на партийную периодическую печать, "широко развертывают" соцсоревнование (с почти 100-процентным "охватом" работающих, в том числе - и заключенных), ведут и всю остальную многообразную "общественно-политическую" работу (как правило, смертельно скучную по форме и убого-примитивную по содержанию).

Процветает здесь и "родимый" бюрократизм, причем в самых жутких своих проявлениях: деловая корреспонденция из Управления в ОЛПы, расположенные в каких-нибудь 20-40 километрах, "тащится" порой по 20 суток...

С прежним размахом продолжают в лагере повсеместные воровство, хищения и взятки. Когда, например, в 1947 году в "лучших чекистских традициях" одновременно во всех продскладах Вятлага (21 учетная единица), столовых для "контингента" (их - 33), пекарнях (их - 18) и других местах хранения продовольствия была проведена внезапная проверка, то почти везде обнаружили незафиксированные излишки провианта, а кроме того - "вскрыли" факты обвешивания, пользования поддельными гирями, неверными весами и многое другое. Объяснения начальников лагпунктов по поводу того, что судимые за хищения люди занимают у них материально-ответственные должности, - часто анекдотичны. Так, начальник 3-го ОЛПа, где убытки за 1947 год составили 2.600.000 рублей, "простодушно" заявил: "Мы знаем, что заключенный Витман - жулик, но он работает экспедитором, так как отдел кадров не обеспечил нас кадрами".

За взятку в Вятлаге "можно было многое", вплоть до освобождения на свободу до срока. Лишь один из примеров такого рода: на 2-м ОЛПе "активировали" (то есть освободили по состоянию здоровья как "забалансовых инвалидов") в 1947 году 16 человек. Десять из них - действительно доходяги, а вот остальная шестерка - вполне здоровые уголовники-"блатари".

Нравы руководства лагпунктов открыто аморальны. На 5-ой партконференции Вятлага (февраль 1948 года, присутствуют делегаты от 472 коммунистов лагеря) можно было услышать следующие характеристики на секретарей первичных парторганизаций: "Бывший секретарь парторганизации Губин - расхититель, его так и не привлекли к партийной ответственности... Бывший секретарь парторганизации Штогрин пошел воровать сено, причем был убит помогавший ему заключенный. Штогрин не был наказан... Бывший секретарь парторганизации Князев - пьяница, разложившийся человек... Бывший секретарь парторганизации Ефимов - пустозвон. Об этом знали все, в том числе и политотдел... Помощником начальника политотдела работал Шубин, который разложился в быту..."

Нередки случаи, когда молодых женщин и девушек за "интимные связи с заключенными" исключают из комсомола и увольняют с работы.

Впрочем, в официальных отчетах и донесениях - все "в границах нормы", а особо "откровенные" выступления в прениях при их последующем редактировании "приглаживаются" или не приводятся в протоколах вообще. По отчетам - коммунисты и комсомольцы Вятлага "усиленно изучают" в кружках системы политучебы "Краткий курс истории ВКП/б/" и "Биографию товарища Сталина"; в 23-х первичных парторганизациях лагеря за 1948 год прошло 368 собраний; на всех ОЛПах выпущено 700 номеров стенгазет и проведено 268 киносеансов; в центральной библиотеке - 20.900 книг (из них художественных - 7.400, политических - 8.500); на территории, подведомственной Вятскому ИТЛ, действуют 4 школы (одна средняя и три начальные) с 600 учениками; обильно "развернута наглядная агитация" -

стены административных помещений и лагерных бараков пестрят лозунгами и плакатами... А вот того, что происходит за этими стенами, внутри них, начальство как-будто не замечает (или не хочет замечать)... Между тем, взрыв внутри лагерных стен (и внутри ГУЛАГа в целом) давно назрел: прежде безгласная "рабсила" не желает больше жить по-скотски и "горбатиться" по-рабски...

Документальное приложение.

Документ N 17.

Дислокация Вятского ИТЛ НКВД СССР
(по состоянию на 1-е марта 1947 года)

№ пор.	Наименование подразделения	Местонахождение	Направление деятельности	Програм-ма на 1947 г.	Число подразд. подчин. штабн. рук-ву
1 3	ОЛП	ст.М.Созим	лесозаготовка	165	5
2 5	ОЛП	ст.Лесная	лесозаготовка	16	-
3 6	ОЛП	ст.Брусничная	лесозаготовка	40	-
4 9	ОЛП	ж.д.ветка Мурис	лесозаготовка	130	-
5 12	ОЛП	ж.д.ветка N 15	лесозаготовка	122	-
6 13	ОЛП	ст.Раздельная	лесозаготовка	120	4
7 15	ОЛП	ж.д.ветка N 10	лесозаготовка	140	2
8 16	ОЛП	Гидаевская ж.д.ветка	лесозаготовка	170	-
9 17	ОЛП	ст.Има	лесозаготовка	110	-
10 18	ОЛП	ж.д.ветка N 7	лесозаготовка	142	-
11 2	лагпункт	ст.Сорда	ширпотреб	-	-
12 4	лагпункт	24 км ж.д.	центр.больница	-	-
13 7	лагпункт	34 км ж.д.	ширпотреб	7000 т.р.	-
14 8	лагпункт	Кайская ж.д.ветка N 5	ширпотреб	-	-
15	Совхоз N 1	ст.Лесная	с/хоз-во	119 га	-
16	Совхоз N 2	ст.Старцево	с/хоз-во	169 га	1
17	Совхоз N 3	Камская ж.д.ветка	с/хоз-во	353 га	1
18	Совхоз N 4	ст.Фаленки	с/хоз-во	967 га	1

Документ N 18.

Карточка учета
движения заключенных по ГУЛАГу в целом за 1949 год.

ГУЛАГ Лагеря Колонии в целом				
Списочный состав на 31.XII.1949 г.	2.561.351	1.416.300	1.145.051	
Прибыло всего	2.033.591	655.822	1.377.759	
В том числе				
из тюрем вновь осужденных	1.010.123	88.235	921.888	
из лагерей	686.522	564.800	121.722	
из бегов	2.618	1.733	885	

ошибочно снято из списочного состава	1.176	980	196
Убыло всего	1.828.925	455.823	1.373.042
В том числе			
освобождено	678.405	178.449	499.956
умерло	29.706	15.739	13.966
бежало	4.842	2.583	2.259
в лагеря	721.011	239.762	481.250
ошибочно принято на списочный состав	3.613	2.908	705
в тюрьмы	59.458	16.344	43.114
транзит	371.890	98	371.792

Документ N 19.

П Р И К А З

по Управлению Вятского исправительно-трудового лагеря МВД СССР

4 июня 1946 г.

N 009

пос. Лесной.

Содержание: О вооруженном нападении группы бандитов в штрафном изоляторе 15 ОЛП.

Переведенные из штрафного изолятора 7 лагерного пункта в штрафной изолятор 15 лагпункта заключенные бандиты-рецидив Шариков Иван Прокофьевич, Ермилов Александр Иванович, Белов он же Цыбин Андрей Николаевич и Смирнов Валентин Иванович, вооружившись ножами произвели организованное нападение на начальника изолятора заключенного Азина Анатолия Сергеевича и убили его.

Они же пытались совершить вооруженное нападение на работников охраны, но применением оружия были ранены.

У указанных бандитов, содержащихся в изоляторе, изъято было 6 ножей финок большого размера и два топора.

Произведенным предварительным расследованием установлено, что вооруженное нападение бандитов имело место благодаря преступному отношению работников надзорсостава к исполнению своих служебных обязанностей, потери всякой бдительности и передоверия особо опасных преступников заключенным.

При отправке указанных бандитов из штрафизолятора 7 ОЛП начальник надзоргруппы Кошечев зная о том, что у бандитов хранятся ножи, проявил трусость и обыска не произвел.

При прибытии их на 15 ОЛП и водворение в штраф-изолятор начальник надзоргруппы Рыбаловлев и ст.надзиратель Прокошев обыск бандитов также не произвели.

Воспользовавшись этой беспечностью, расхлябанностью со стороны надзорсостава, бандиты сумели пронести в изолятор ножи и топоры и произвести вооруженное нападение.

Начальники лагпунктов Смолин и Стяжкин самоустранились от руководства и контроля за вверенным им надзорсоставом, который фактически был предоставлен самому себе.

П Р И К А З Ы В А Ю:

За допущенную преступную беспечность, потерю всякой бдительности в деле охраны и режима государственных преступников

1/ Начальнику 7 лагпункта Смолину и 15 ОЛП Стяжкину объявить выговор и предупредить их, что если они впредь допустят беспечность в отношении их основной работы - укрепления режима, они будут сняты с работы и понижены в должности.

2/ Начальникам надзор групп - Кощеева и Рыбаловлева арестовать на 15 суток каждого с содержанием на гауптвахте с последующим понижением в должности,

3/ Старшего надзирателя Прокошева арестовать на 10 суток с содержанием на гауптвахте<...>

Начальник Управления
ВЯТЛАГ"а МВД СССР
полковник

/КУХТИКОВ/

г/ Вятлаг в эпоху "Оттепели" (1954 - 1961 годы)

Постсталинское партийно-государственное руководство сразу же начало с квазиобновленческих "экспериментов" в области управления страной, и одним из первых "полигонов" этой "модернизации" явился ставший взрывоопасным ГУЛАГ. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 18 марта 1953 года (обратим внимание на дату - не прошло и двух недель после смерти Сталина) хозяйственная деятельность лагерей лесной промышленности МВД СССР передавалась в ведение Министерства лесной и бумажной промышленности, а оперативное управление ИТЛ - Министерству юстиции. Таким образом, на базе каждого лесного лагеря создавалось два полнокровных управления (в Вятлаге - "Вятспецлес" и Вятский ИТЛ) со штатом, пропорционально (то есть почти 1:2) превышающим прежний. По административной вертикали "Вятспецлес" (условно говоря - производственный сектор) подчинялся "Главспецлесу" Минлесбумпрома, а Управление Вятского ИТЛ (лагерно-режимный сектор) - по-прежнему ГУЛАГу, действовавшему теперь "под крылом" Минюста. В мае 1953 года "раздвоенное" вятлаговское начальство соответствующими "двуглавыми" совместными приказами оформило это разделение функций, а также имущества и персонала. Дело, впрочем, как у крыловского квартета, от всех этих "новаций" не улучшилось, а результаты их оказались обратными ожидаемым: двойная неразбериха, "спаренный" бюрократизм, благодатный климат для безответственности в центре и на местах практически парализовали работу лагеря. Так что "недолго музыка играла": через некоторое (и весьма непродолжительное) время все вернулось "на круги своя" - система "двойного руководства" уголовно-исполнительной системой была ликвидирована. Перестав опасаться всемогущества Берии и убрав его людей из карательно-силовых структур, Хрущев уже в начале 1954 года вернул ГУЛАГ "целиком и полностью" в лоно МВД. Начальник Управления Вятского ИТЛ своим приказом от 2 февраля 1954 года, не без плохо скрытого удовлетворения, довел до сведения своих подчиненных, что согласно постановлению Совета Министров СССР все лагеря, колонии, пересыльные тюрьмы, детские учреждения, учебные заведения, входящие в состав ГУЛАГа, вновь передаются из Министерства юстиции в Министерство внутренних дел СССР. Вот так, "сотрясением воздуха", и завершилась первая в постсталинское время попытка "перестройки" советского "лагерного Архипелага". И надо сказать, что у противников этой "перестройки" имелись достаточно весомые аргументы. Черда непродуманных, огульных амнистий, "об-

вальные" послабления в режиме содержания взбудоражили тюрьмы и зоны: по ним прокатилась волна массовых неповиновений и бунтов заключенных (о крупнейшем из них в Вятлаге, случившемся зимой 1954 года, - подробный рассказ в 6-ой главе). Разнузданный бандитизм уголовников, растерянность в 1953-1954 годах гулаговских и местных начальников, общая неуверенность в завтрашнем дне - все это нашло яркое отражение в каждом лесном лагере.

Присмотримся же к Вятлагу этого периода - краткой эпохи "торжествующей оттепели", когда предпринятые сверху законодательные и нормативные нововведения в известной мере (а кое в чем - и весьма ощутимо) изменили уклад лагерной жизни, хотя в основе своей (с точки зрения политики, экономики и идеологии) ГУЛАГ, все его подразделения и каждое из них в отдельности оставались тем же, чем они являлись в 30-е и 40-е годы.

Итак, на 1 декабря 1957 года в Вятском ИТЛ содержатся 23.327 заключенных (их, правда, все чаще называют осужденными), из коих мужчин - 21.462, женщин - 1.865. В лагере находится по-прежнему в основном молодежь, подраставшая и возмужавшая в годы войны, великих нехваток всего и вся: 18-23-летние составляют почти половину лагнаселения - 9.264 человека. Впервые осуждены - 7.006 человек, а вот судимых неоднократно ("рецидивистов") почти в два с половиной раза больше - 16.321 человек. Осужденных за действительно опасные уголовные преступления в общем-то не так уж и много: за бандитизм - 393 человека, за разбой и грабеж - 2.533 человека, за умышленные убийства - 839 человек. Весьма значительна категория попавших в ИТЛ из сферы производства и торговли: за хищения собственности в особо крупных размерах (свыше 25.000 рублей) сидят 4.500 человек. Сроки наказания у трети (31 процента) лагнаселения более чем солидные - от 10 до 25 лет.

Налицо изменения в лагерном режиме - весьма существенные и в сторону его гуманизации. Панацеей от многих криминальных бед тогда предполагалось дифференцированное ("постатейное") содержание заключенных, при котором осужденные по "тяжким" уголовным статьям размещаются и "трудоиспользуются" отдельно, в строгой изоляции от тех, кто осужден впервые и по "легким" статьям. Таким методом, как рассчитывали в высоких гулаговских кабинетах, удастся профилактировать "случайно оступившихся" людей или молодых преступников от превращения их в "неисправимо уголовный элемент". По этим вопросам 25 октября 1956 года издается специальное совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР. И, как было заведено, на местах приняли его к "неуклонному руководству и исполнению". В "свете этого постановления" все заключенные в Вятлаге были "распределены" по 22 подразделениям общего режима, 9 - облегченного, 4 - строгого и 3 - специального режима. Кроме того, возможность проживания с семьями "за зоной" получили 970 человек, а право "хождения без конвоя" - 3.300 человек. Таким образом, для трети заключенных лагерный режим был значительно облегчен.

Враждующие друг с другом группировки уголовников разных мастей ("воры", "суки" и прочие) частично "укрощены" - идет работа по их дальнейшему "разложению" и "умиротворению". Заключенные в 1950-е годы

уже получают зарплату, а не "премвознаграждение". Деньги, конечно, небольшие да и вычитают из них львиную долю: 50 процентов - за содержание ("начальнику") плюс все положенные налоги, а также другие выплаты... Но тех скромных остаточных сумм, которые выдаются заключенным на руки, все-таки хватает для того, чтобы чуть-чуть "скрасить" лагерную жизнь. С другой стороны, это порождает кучу новых проблем и дополнительную головную боль для администрации: возникновение "общака" (дань, собираемая уголовной верхушкой со всех лагерников), буйный всплеск массового пьянства и спекуляции спиртным и многие другие "горькие ягодки" перестроечных "цветочков". Кстати, водочной спекуляцией "не брезговали" надзиратели и "отдельные представители" лагадминистрации, что, в общем-то, объяснимо: слишком уж велик соблазн - в середине 50-х годов бутылка "светлой" стоила в зоне 125 рублей (в пять раз дороже, чем на "воле"). Результаты - самые плачевные: в 1956 году среди заключенных лагеря зафиксировано 4.526 пьянок, 1.076 случаев хулиганства и драк (в реальности, надо понимать, всех этих и других, напрямую связанных с пьянством, чрезвычайных происшествий было, естественно, намного больше). Для того, чтобы изъять у заключенных наличные деньги, уменьшить криминальность, вызванную их свободным оборотом в зонах, гулаговские "мудрецы" ввели с 1957 года безналичный расчет в лагерях (в Вятлаге эта очередная "новация" внедрена в мае 1957 года). С этой поры заключенным было дозволено "отовариваться" только в лагерном ларьке - и нигде более...

Есть определенные перемены и в организации "основного производства": прежняя гулаговская система работы, где главным структурным низовым производственным подразделением была бригада, а первой фигурой - солагерник-бригадир ("бугор"), заменяется новой, состоящей из так называемых отрядов, руководимых назначаемыми администрацией вольнонаемными сотрудниками (начальниками). На момент реорганизации в Вятлаге создается 154 таких отряда, в которых укомплектованы персоналом 98 должностей их начальников.

Более широким и разнообразным становится перечень применяемых к заключенным мер наказания: выговор, водворение в ШИЗО, перевод на более строгий режим или в тюрьму, лишение свиданий, передач, переписки, права пользоваться личными деньгами и (самое чувствительное) - отмена ранее начисленных зачетов рабочих дней, сокращавших лагерный срок и являвшихся в руках администрации одновременно и "кнутом" и "пряником" - действенным стимулом "побуждения" рядовых зеков-"мужиков" к сверхнапряженному труду.

А труд этот по своему характеру и содержанию сколько-нибудь серьезных изменений не претерпел. Работают в лагере по старинке: только за январь-сентябрь 1957 года отмечено 1.503 случая травм на производстве, из них 7 - со смертельным исходом. Отказчиков от работы ежедневно насчитывается примерно по 450 человек. Но в целом отчетные показатели по трудовому использованию осужденных в Вятском ИТЛ близки к гулаговским нормативам. Вот как эти показатели выглядят в отчете Вятлага за 1956 год (Д о к у м е н т N 20):

Наименование показателей	План	Факт
--------------------------	------	------

Используемые на оплач. работах (группа "А")	15.743	17.294
% к списочному составу	70,8	70,5
Используемые в хозобслуге (группа "Б")	2.655	2.752
% к списочному составу	11,9	11,9
Неработающие по болезни (группа "В")	1.434	1.257
% к списочному составу	6,5	5,4
Неиспользуемые на работах по разным причинам (группа "Г")	1.268	1.221
% к списочному составу	5,7	5,2

В конце 50-х годов политотдел Вятлага "выдвинул и развил" новый почин - обучение заключенных в специально создаваемых для этого при зонах вечерних "школах рабочей молодежи". На реализации этой идеи можно было заработать неплохую репутацию в глазах московского начальства, и посему "школьная эпидемия" стремительно охватила все вятлаговские ОЛПы. Петр Лещенко, организатор одной из таких школ (сам, к слову, в то время заключенный) так вспоминает 1956-й год:

"Идею открытия школы подхватил политотдел Управления во главе с полковником Строгановым. Подумать только - "врагов народа" (а таковыми считались все зеки без исключения) будут учить да еще и в лагерях! По тем временам это была своего рода революция. Школа на Комендантском ОЛПе (центральном в Вятлаге) должна была стать одной из первых в гулаговской империи. Меня вызвал в КВЧ (культурно-воспитательную часть) старший лейтенант Набок, которого буду помнить до гробовой доски. Он был фронтовик, по основной специальности, по-моему, фельдшер - здесь я могу ошибиться, но за то, что он не был "бериевцем", ручаюсь. Позднее он дослужился до начальника лаготделения и в чине полковника уволился на пенсию, уехав в Свердловск (ныне Екатеринбург). Он не был "размазней", но не являлся и "зверем-чекистом", каких было в то время (в том числе и в Вятлаге) - "море". Старшему лейтенанту Набоку хотелось, чтобы я попробовал себя в роли организатора школьного коллектива (учащихся и учителей) из числа заключенных...

Тяга последних к учебе тогда была удивительной. В помещение, что нам отдали под учебные классы, по вечерам было "не протолкнуться": пришлось отбирать кандидатов в учащиеся по конкурсу - среди заключенных было очень много малограмотных, а то и вообще неграмотных. Учителей мне "рекомендовали" подбирать из числа осужденных по "бытовым" статьям УК: "политические", как было мне сказано, - "ненадежны"... 1 сентября 1956 года средняя школа Комендантского ОЛПа Вятлага (со всеми ее классами - от 1-го до 10-го) открылась. Занятия в ней проходили с 19.00 до 23.15 (при общем отбое в зоне в 22.00). Первый опыт "привился": в 1957 году открылась школа на лесозаводе N 2, а затем "школьная эпидемия" распространилась по всем подразделениям Вятлага, и, по советскому обыкновению, была доведена до полного абсурда - стали "организовывать" школы и там, где учить было некому, негде и не на чем..."

Добавим к воспоминаниям ветерана Вятлага: в "школьном эксперименте" наглядно проявились "новые времена" и "новые веяния", ограниченные жесткими рамками оставшихся по сути своей прежними политических, экономических и идеологических устоев государства, что делало все попытки "обновления" частных его фрагментов противоречивыми, половинчатыми, обреченными на формализацию и конечную неудачу.

При всех ветрах, ветерках и "сквозняках" перемен жизнь Вятлага продолжалась своим исконным порядком. Серия амнистий, затронувших (в основном) "бытовиков", "малосрочников" и (в меньшей степени) "политических", "вымыла" из лагеря значительную часть "контингента": за 1956 год освободились 9.000, а за одиннадцать месяцев 1957 года - 7.859 человек. Но эти "потери" тут же восполнялись новыми поступлениями "исполнителей программы" - этапы шли со всех концов "Союза нерушимого республик свободных" ритмичной и нескончаемой чередой... А вот перед нежданно обретшими "свободу" возникали свои, новые и зачастую неразрешимые проблемы. Более половины освободившихся из Вятлага (в 1956 году - свыше 5.000 человек) не имели никакой специальности. Немалая часть из них вынуждена "становиться на причал" в Лесном и другим прилагерных поселках. Администрации это, с одной стороны, и "на руку": набрать кадры на стороне (особенно так называемого младшего обслуживающего и технического персонала) - дело хлопотное: многие вольнонаемные работники сразу же после истечения срока договора или вербовки уезжают "куда подальше" от глухих таежных кайских болот. И людей можно понять: им требуется уже не просто работа, но и хотя бы минимально обустроенная социальная инфраструктура - школы, детсады, квартиры с элементарными удобствами... Обратимся вновь к воспоминаниям П.Ф.Лещенко, посвященным второй половине 50-х годов:

"Пришлось ограничения на прописку бывших лагерников на территории Вятлага снять и разрешить им проживание при своих бывших "казематах"-зонах - в поселках для начальства и "вольняшек". Среди заключенных было много различных специалистов, без которых производство сразу бы остановилось - мастера леса, прорабы строек, механики, экономисты-бухгалтеры, товароведы и т.п. В бериевские времена многих бывших лагерников удерживали запретом выезда за "границы" Вятлага. И таких "невъездных" было немало, в первую очередь - это высланные сюда из Поволжья немцы, которые составляли весомую долю среди "обслуживавших" лагерь специалистов самых разных категорий..."

С квалифицированными кадрами в Вятлаге дела обстояли действительно "из рук вон": например, в 1956 году при полагавшихся по штату 92 врачах наличествовали только 29, а общий "некомплект" вольнонаемного персонала составил 489 человек (в их числе по должностям инженеров и техников - 47). Нельзя сказать, что вятлагское руководство не "чувствовало" ситуацию и не предпринимало в связи с ней "соответствующих мер". Усиливается "массово-политическая" работа: политотдел лагеря начинает издавать для вольнонаемных газету "Призыв" (несколько ранее было организовано издание многотиражки для заключенных "Лес-стране" периодичностью 3 номера в месяц и тиражом 2.500 экземпляров). "Укрепляется общественный актив": в партийной организации лагеря на учете уже около 900 человек, в комсомольской - около 2.000, в профсоюзной - около 5.000.

Однако на моральном климате в окологерных поселениях все эти "достижения" ошутимым образом не сказываются: картинки повседневного быта сотрудников по-прежнему выдержаны в мрачно-сером алкогольном колорите. Пьянство остается у вольнонаемных главной причиной многочисленных, массовых нарушений дисциплины и других "негативных проявлений": так, на 26-м лагпункте, празднуя 40-летие Октября, надзиратели перепились и учинили между собой коллективную драку, избив одного из

своих сослуживцев до "потери сознания".

Но все "прорехи" в изрядно проржавевшем корпусе Вятлага удачно маскируются победными реляциями о производственных делах: они, в силу стечения ряда обстоятельств, в это время "пошли в гору", выглядят (по отчетным данным) вполне "прилично" и по этим статьям "основной деятельности" Вятский ИТЛ вновь становится "флагманом" лесных лагерей страны. Впрочем, как оказалось, ненадолго...

К началу 60-х годов "запал" хрущевской "оттепели" заметно выдохся. И лагерники вскоре ощутили это на себе: вновь началось "закручивание гаек" в местах лишения свободы. В частности, отменили трудовые зачеты. Такое случалось и в прежние времена, но затем "статус-кво" восстанавливали - и правильно делали: ведь, как уже отмечалось, эти зачеты являлись для заключенных "целебным зельем", "живой водой", "иконой", на которую они молились днем и ночью. "Вкалывая на полную катушку", "вылезая из кожи" для перевыполнения плановых норм, можно было за день такой "ударной" работы "заслужить" два-три дня приближения к вожделенной "свободе". Правда, этой "льготой" всю пользовались и принципиально не работающие "блатные", перекупая "зачеты" у солагерников-"мужиков" или даже у "начальников". С этим злом, конечно же, надо было бороться, но выбрали для его "профилактики" самое простое решение: отменить "зачеты" вообще, то есть "с водой выплеснули и ребенка", разрушив один из мощнейших побудительных стимулов для заключенных к высокопроизводительному труду. Вслед за этим у лагерников изъяли "гражданскую" одежду, часы, ввели (из соображений "гигиены") обязательную и поголовную стрижку "под ноль"... Про отмену обращения в зонах наличных денег уже говорилось. Добавим лишь, что отныне осужденным дозволялось использовать только "лагерную валюту" - талоны или "боны", пригодные для "отоваривания" лишь в убогом местном ларьке. Существенно (с 8-10-ти до 5-ти килограммов) "урезан" вес разрешенных посылок "с воли", причем получить такую посылку теперь можно не чаще чем один раз в 3 месяца. Значительно уменьшился размер и ухудшился рацион питания в лагерных столовых. Введение отрядной системы способствовало усилению тотального контроля над заключенными, их "закрепления" на производстве и в быту. Таким образом, "демократические веяния" в ГУЛАГе (и вне его) к середине 60-х годов исчезли "как сон, как утренний туман"...

В целом же система контрреформ вернула лагерь к жестко-полицейскому типу управления их жизнедеятельностью. Вероятно, последним "дуновением" хрущевской "либерализации" явилось массовое освобождение в 1959-1961 годах всех (почти без исключения) "контрреволюционеров" - жертв трагически известной 58-ой статьи. Лагерь практически полностью "очистился" от политзаключенных (затем их стали "размещать" в особых тюрьмах, специализированных колониях и психбольницах). Впрочем, период 1960-х годов находится уже за хронологическими рамками настоящего исследования, а более детальному анализу процессов, происходивших в Вятлаге в "эпоху оттепели", посвящена 7-я глава.

Завершая этот краткий обзор, подчеркнем, что ГУЛАГ в 1930-е - 1950-е годы не только представлял собой важнейший инструмент сталинской внутренней политики, но и являлся одним из ее экономических стол-

пов, а также наглядной моделью всей советской системы "хозяйствования". "Секретам" лагерной "экономики" и посвящена следующая глава нашей книги.